

ВИТЕБСКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ГЛАВА I.

Древность Витебска и отсутствіе въ немъ видимыхъ памятниковъ старины. — Время основанія города. — Древнія названія его. — Появленіе въ Витебскѣ православія. — Распространеніе православія чрезъ браки русскихъ и литовскихъ велико-княжескихъ домовъ. — Появленіе протестантизма. — Іезуиты и католицизмъ. — Унія и уніятскій архіепископъ Юсафатъ Кунцевичъ. — Гоненія отъ него на православныхъ. — Ропоть и ненависть къ нему православныхъ. — Письмо къ архіепископу канцлера Сапѣги. — Впечатлѣнія и послѣдствія письма. — Убіеніе Кунцевича въ Витебскѣ. — Судъ надъ убійцами и наказаніе ихъ. — Еще большее стѣсненіе православія въ Витебскѣ. — Кунцевичъ причисляется къ лику блаженныхъ (beatorum). — Поклоненіе ему уніатовъ и католиковъ. — Письма папы Урбана VII къ королю Сигизмунду III. — Возстановленіе полоцкой православной епархіи. — Зборовскій договоръ гетмана Хмѣльницкаго. — Россійскіе и иностранные государи принимаютъ участіе въ судьбѣ православія въ Бѣлоруссіи. — Возсоединеніе уніатовъ къ православію. — Торжество по этому случаю въ Витебскѣ. — Медаль на память этого событія и скорбь папы. — Усилія католиковъ, дабы воспрепятствовать присоединенію уніатовъ къ православной Церкви. — Исторія явившагося въ Витебскѣ камня съ тѣнью Юсафата. — Нынѣшнее состояніе православія въ Витебскѣ.

Въ небольшой семьѣ древнихъ городовъ русскихъ Витебскъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Исторія его тѣсно связана съ судьбами Россіи, Польши, Литвы и Украины. Много вытерпѣлъ онъ отъ враговъ внутреннихъ и вѣшнихъ; нерѣдко сталкивались въ Витебскѣ враждебныя народности и религіозныя убѣжденія. Кровь различныхъ народовъ Европы и Азіи видѣется на многихъ страницахъ его исторіи; а, между тѣмъ, ни въ самомъ городѣ, ни въ окрестностяхъ его, мы не находимъ сколько-либо замѣчательныхъ памятниковъ старины;

даже наружность города нисколько не напоминает его девяти вѣковаго возраста.

Такъ всеокрушающая рука времени изглаживаетъ памятники минувшихъ событій! Такъ подвиги человѣка безслѣдно гибнуть въ потокѣ вѣчности! Глядя на очаровательную панораму Витебска, не представляющаго въ своей картинѣ ни развалинъ древнихъ замковъ, ни слѣдовъ укрѣпленій, ни памятниковъ стариннаго зодчества и архитектуры, и, пробѣгая мысленно многозначительныя страницы исторіи его, невольно приходятъ на память предсмертныя слова великаго поэта-мыслителя:

Рѣка время въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топить въ пропасти забвенья
Дѣянья царства и царей...
А если что и останется
Черезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

Прошли вѣка, исчезли некогда знаменитые дѣятели Витебска, разрушились воздвигнутые ими, одинъ за другимъ, памятники могущества, ума и крѣпости мышцъ, и земля, какъ добрая мать, принявъ въ нѣдра свои все, отъ нея же рукою человѣка взятое, съ гробовымъ безмолвіемъ хранитъ его для отдаленнаго потомства, которое, быть можетъ, черезъ нѣсколько вѣковъ потребуетъ у нея отчета въ минувшемъ. Тогда заступъ археолога раскроетъ нѣдра земли, оживитъ обломки холоднаго камня, дастъ языкъ металлу и заставитъ ихъ рассказать о быломъ. Для насъ пока нѣтъ особой надобности вопрошать камни и металлъ, нѣтъ надобности тревожить покой напоенной кровію друзей и враговъ нашихъ земли: мы можемъ найти, въ большей части случаевъ, правдивый и ясный отвѣтъ на свои вопросы въ архивной пыли пощаженныхъ рукою времени, письменныхъ памятниковъ минувшаго. Постараемся воспользоваться этимъ правомъ съ полнымъ безпристрастіемъ; быть можетъ, и краткая замѣтка наша, рано или поздно, послужитъ путеводною нитью для позднѣйшаго изслѣдователя старины.

Кѣмъ и когда именно основанъ Витебскъ, съ достовѣрностію опредѣлить невозможно. Первый разъ городъ этотъ въ лѣтописи исторіи упоминается подъ 1021 годомъ; но, по всей вѣроятности, онъ существовалъ гораздо раньше. Есть преданіе, не выдерживающее, впрочемъ, исторической критики, что будто бы великая княгиня Ольга, супруга Игоря, сына Рюрика, очарованная мѣстностію Витебска, построила въ немъ первую каменную церковь, которую и нынѣ указываютъ, и такимъ образомъ сдѣлалась основательницею города. Событіе это должно бы совпадать времени между 945 и 957 годами. Шрекъ

повѣствуетъ даже, что въ 882 году опекунъ Игоря, Олегъ изгнать хановъ казарскихъ изъ Витебска и Чернигова. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Витебскъ заложенъ въ первой половинѣ X вѣка, но все же едва ли не вѣрнѣе будетъ приписать постройку въ немъ перваго христіанскаго храма не великой княгинѣ Ольгѣ, а первой супругѣ великаго князя литовскаго Гедимина, носившей то же имя, что можетъ совпадать съ 1320 годомъ.

Витебскъ въ древнихъ русскихъ документахъ и лѣтописяхъ пишется *Вибдескъ*, *Видбескъ*, а въ польскихъ и литовскихъ *Дбескъ*, *Витьбескъ* и, наконецъ, *Витенскъ*. Названіе это, вѣроятно, дано городу отъ рѣчки Витьбы или Видьбы, на берегу коей первоначально онъ и былъ заложенъ. Какъ сложилось слово Витьба, служившее корнемъ названія города и что именно оно означаетъ, объяснить безъ натяжекъ трудно, хотя нельзя предположить, чтобы слово это вовсе лишено было значенія.

Первые жители Витебска, кривичи были язычники. На вопросъ кто и когда именно, въ первый разъ, принесъ въ этотъ городъ христіанское ученіе, исторія положительнаго отвѣта не даетъ; въ преданіяхъ народа также не сохранилось объ этомъ никакихъ указаній. Однакожь, съ полною достовѣрностію, можно предположить, что витебляне просвѣтились ученіемъ евангельскимъ гораздо раньше другихъ жителей нынѣшней Витебской губерніи, не говоря уже о живущихъ въ сѣверной части ея латышахъ, познавшихъ истиннаго Бога едва въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка, т. е. въ то время, когда Витебскъ игралъ уже довольно значительную роль въ исторіи этого края. Столь раннему принятію и укрѣпленію христіанства, витебляне, конечно, болѣе всего обязаны положенію города на одномъ изъ главнѣйшихъ естественныхъ путей торговли—рѣкѣ Западной Двинѣ, а также недалекому сосѣдству Подиѣровскаго края, изъ котораго христіанство распространилось по всей Руси. Могло случиться также, что евангельское ученіе проникло въ Витебскъ и путемъ войны, во времена частыхъ походовъ варяговъ къ Босфору и обратно, чрезъ этотъ городъ. Примѣры подобнаго перенесенія религіозныхъ вѣрованій нерѣдки. Конечно, въ Витебскѣ, въ первые вѣка его существованія, какъ и въ другихъ древнѣйшихъ городахъ Россіи, православная вѣра не была исключительною. Язычество, при всей его несостоятельности, не могло, при первомъ лучѣ христіанства, вдругъ и безслѣдно исчезнуть. Это доказывается тѣмъ, что даже въ настоящее время, послѣ многовѣковаго господства ученія Христова, мы находимъ, въ народныхъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ, пѣсняхъ и сказкахъ, множество остатковъ язычества. Правда, что эти вѣрованія и обряды исполняются народомъ совершенно безсознательно, что они потеряли прежнее свое значеніе и существуютъ лишь въ классѣ необразованныхъ людей; но

это нисколько не умаляет ихъ древности и не отвергаетъ происхожденія.

Ученіе восточной Церкви, занесенное въ Витебскъ въ первые годы по его основаніи, продолжало существовать и укрѣпляться почти въ теченіе пяти столѣтій. Были, правда, случаи, когда православное населеніе этого города подвергалось гоненіямъ и притѣсненіямъ отъ мало просвѣщенной христіанствомъ Литвы, въ особенности во время частыхъ походовъ великаго князя литовскаго Ольгерда на Русь, между 1340—1381 годами, которые всегда совершались чрезъ города Витебскъ и Полоцкъ, по нарочно проведенной для того изъ Литвы и до нынѣ мѣстами замѣтной *Ольгердовой дорожкѣ*; но эти случайности не могли оказывать слишкомъ вреднаго вліянія на православіе, которое было уже на столько уважаемо, что путемъ замужства княженъ русскихъ и въ особенности витебскихъ съ великими князьями литовскими распространялось за предѣлы Бѣлоруссіи. Примѣровъ подобнаго родства между языческими литовскими и православными русскими княжескими домами исторія представляетъ мною; но мы ограничимся указаніемъ лишь на одинъ, какъ наиболее связанный съ судьбами Витебска. Такъ Ольгердъ, женись первый разъ на княжнѣ Маріи Ярославнѣ Витебской, еще при жизни отца своего, принялъ христіанство, по выраженію летописца, *жены ради* и построилъ въ Витебскѣ двѣ православныя церкви: Благовѣщенія и Свято-Духовскую. Впоследствии, желая привлечь къ себѣ народъ, онъ оставилъ православіе и даже сдѣлался гонителемъ его, но, женись вторично, на княжнѣ Іуліаніи Александровнѣ Тверской, просьбами и увѣщаніями ея, не только прекратилъ гоненіе на христіанъ, но покровительствовалъ имъ и, будучи на смертномъ одрѣ, вновь обратился къ истинному Богу и даже принялъ схиму, почему и былъ погребенъ въ имъ же сооруженной церкви пресвятой Богородицы, въ Вильнѣ, подъ именемъ Алексѣя. Княжна же Іуліанія, лишась мужа, жила постоянно, до самой кончины своей, въ Витебскѣ, гдѣ также приняла схиму и наречена Маріею. Сыновья Ольгерда, какъ рожденные отъ княжны русской христіанки, съ самаго ранняго возраста были воспитаны въ духѣ православія. Это, между прочимъ, подтверждается отвѣтомъ пословъ Ягайлы, просившимъ для него руки Ядвиги.

Распространенію и укрѣпленію въ Бѣлоруссіи и Литвѣ православія, кромѣ браковъ русскихъ княженъ съ литовскими князьями, способствовало и замужство дочерей ихъ съ князьями русскими. Правда, что литовскія княжны, удалясь, по выходѣ въ замужество, изъ своего отечества, не могли болѣе развивать въ немъ русскаго элемента; но отцы, выдавъ дочерей на Русь, роднились съ нею, смотрѣли на нее, какъ на страну, близкую своему сердцу. Такимъ образомъ, постепенно и нечувствительно Литва входила въ родство и единство съ Русью.

Этимъ-то и объясняется, почему немногіе только литовскіе князья принимали католическое вѣроисповѣданіе, да и принявшіе его, какъ, на примѣръ, Свидригайло (называвшійся въ католицизмѣ Болеславомъ), были болѣе привержены къ греко-россійской вѣрѣ, чѣмъ къ католической, какъ и Скиргайло, въ православіи Іоаннь, а въ католицизмѣ Казиміръ. Последний, въ благодарность Богу за избавленіе своей супруги Елизаветы отъ утопленія (въ Ильинъ день), повелѣлъ: построить на берегахъ рѣкъ Двѣпра, Двины и Сожи шесть православныхъ церквей, а именно: въ Витебскѣ, Бѣшенковичахъ (Витебской же губерніи), Могилевѣ, Оршѣ, Кричевѣ и Черниговѣ.

Но самый замѣчательный примѣръ привязанности къ религіи находимъ въ лицѣ внука гедиминова, подольскаго князя Константина Коріатовича, отказавшагося даже отъ предложеннаго ему польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ престолонаслѣдія, чтобы только сохранить православную вѣру. Послѣ всего этого понятно, почему въ Бѣлоруссіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ Витебскѣ, православіе распространялось съ успѣхомъ.

Послѣ православія первымъ христіанскимъ исповѣданіемъ въ Витебскѣ является протестантизмъ, проникнувшій въ этотъ городъ, по всей вѣроятности, въ первой половинѣ XVI вѣка.

Постоянныя торговыя сношенія Витебска и Полоцка съ Ригой, Кенигсбергомъ и другими прусскими городами представляли множество случаевъ къ сближенію витеблянъ съ послѣдователями реформации, а потому очень естественно, что это вѣроученіе проникло въ Витебскъ въ первые же годы по распространеніи его въ восточной Пруссіи и Ливоніи, что, какъ извѣстно, послѣдовало между 1525 и 1539 годами.

Но не однимъ этимъ путемъ проникала въ Витебскъ реформація: она заходила сюда даже чрезъ Москву. Андрей Венгерскій, въ своей «Исторіи славянской Церкви», говоритъ: около 1552 года пришли изъ Россіи въ Бѣлоруссію три греко-россійскіе монаха: Θεодосій, Артемій и Θома, не знавшіе никакихъ языковъ, кромѣ природнаго своего, и никакихъ наукъ. Они остановились въ Витебскѣ, начали сперва изъ домовъ, а потомъ изъ церквей выкидывать иконы и учили поклоняться только одному Іисусу Христу; но возмущившійся народъ и православные священники выгнали ихъ изъ города. Они удалились въ глубину Литвы и тамъ продолжали проповѣдывать. Θεодосій, имѣя болѣе 80 лѣтъ, скоро умеръ; Артемій присталъ къ случкому и копъскому князю Георгію, а Θома, велерѣчивый и болѣе свѣдуцій въ св. писаніи, нежели его товарищи, сдѣлался лютерскимъ пасторомъ и, чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ проповѣдникомъ въ Полоцкѣ, гдѣ уже распространялась реформація. Но въ февраль 1563 года московскій царь Иванъ Васильевичъ Грозный, взявши Полоцкъ, поймалъ этого пастора (бывшаго нѣкогда его подданнымъ), вывелъ на рѣку Дви-

ну и державною рукою пустилъ въ прорубь подъ ледь. Невзирая на столь печальный конецъ первыхъ проповѣдниковъ реформаціи, брошенное ими въ Витебскѣ сѣмя этого вѣроученія не погибло, а принесло зрѣлый плодъ. Мѣщане и шляхта, принявшіе проповѣдь Θεодосія, Артемія и Θомы, услышавъ объ успѣхахъ послѣдняго изъ нихъ въ Литвѣ, пригласили къ себѣ изъ Польши и Литвы кальвинскихъ проповѣдниковъ и построили въ Нижнемъ Замкѣ деревянный зборъ, или кирку, домъ для пастора, училище и богадѣльню; но всѣ эти зданія, во время войны Яна-Казимира съ Москвою, разобраны и сожжены, пасторъ же Ранилевскій со всѣмъ семействомъ уведенъ въ Москву, и затѣмъ мѣста, на коихъ были протестантскія зданія, заняли мѣщане. Въ 1667 году былъ присланъ въ Витебскѣ консеніоръ бѣлорусской дистракціи Христофоръ Жорновитъ, для отысканія и принятія имѣній, збору принадлежавшихъ. Завязалось тяжёлое дѣло, которое было предоставлено рѣшить королевскому комиссару, князю Огинскому, ведѣвшему всѣ принадлежащія кальвинамъ мѣста возвратить по принадлежности; но былъ ли на нихъ построенъ зборъ, съ достовѣрностію неизвѣстно. Кажется, впрочемъ, безошибочно предположить можно, что, съ появленіемъ въ Витебскѣ іезуитовъ, распространенію реформаціи путь прегражденъ, тѣмъ болѣе, что Польша приняла уже мѣры къ окатоличенію и ополяченію Бѣлорусскаго края.

Не менѣе трудно опредѣлить съ точностію годъ появленія въ Витебскѣ католицизма; однакожь, положительно пзвѣстно, что это вѣроученіе началось здѣсь нѣсколько прежде, чѣмъ въ Полотскѣ, но никакъ не раньше начала второй половины XVI вѣка.

По словамъ іезуита Ростовскаго, во время проѣзда изъ Москвы въ Ригу, чрезъ городъ Витебскѣ, папскаго легата Антонія Поссевина, въ Витебскѣ былъ только одинъ, старый, болѣзненный католическій ксендзь, совершавшій служеніе, за неимѣніемъ костела, въ частномъ домѣ. Приходъ его составляло небольшое число польскихъ выходцовъ, жившее въ Витебскѣ по дѣламъ службы и торговли. Ксендзь этотъ умеръ во время пребыванія въ Витебскѣ Поссевина, а потому католики упросили послѣдняго оставить имъ хотя одного изъ находившихся при немъ іезуитовъ. Поссевинъ, усердно хлопотавшій о религіозномъ подчиненіи Россіи Риму, вмѣсто одного, оставилъ въ Витебскѣ двухъ: Дреноція и Михаила. Неизвѣстно, какіе были успѣхи этихъ проповѣдниковъ католицизма въ Витебскѣ; достоверно, однакожь, что, до учрежденія въ этомъ городѣ іезуитскаго коллегіума въ 1640 году, здѣсь не было ни одного латинскаго костела, что вполне доказывается сохранившимся доселѣ инвентаремъ города.

Съ учрежденіемъ коллегіума, католицизмъ началъ водворяться въ Витебскѣ съ большимъ успѣхомъ. Прибывшіе сюда изъ Полотска іезуиты начали съ того, что захватили въ свои руки православный мона-

стырь, со всеми принадлежащими къ нему угодіями, и церковь во имя св. Алексѣя челоука Божія. Впослѣдствіи, смоленскій воевода Александръ Корвинъ-Гонсѣвскій, извѣстный особою ревностію къ католицизму, надѣлилъ ихъ землями и разными угодьями, построилъ собственнымъ иждивеніемъ каменное зданіе для помѣщенія коллегіума и воздвигъ, въ лучшей части города, великолѣпный костель, обращенный, въ эпоху воссоединенія униатовъ, въ православную каеэдру.

По присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи и по уничтоженіи папою Климентомъ XIV ордена іезуитовъ, императрица Екатерина II, невзирая на существовавшее въ Европѣ противъ монаховъ этихъ негодование, принявъ, въ лицѣ ректора Станислава Чернаевича присягу, въ вѣрноподданствѣ отъ всехъ іезуитовъ, изволила оказать имъ свое высокое покровительство, въ полной надеждѣ, что они, отказавшись отъ прежнихъ дѣйствій, послужившихъ къ уничтоженію ихъ ордена, и живя въ Бѣлоруссіи, посвятятъ себя исключительно воспитанію юношества въ духѣ русской народности, вслѣдствіе чего дозволила имъ владѣть недвижимымъ имуществомъ, учредить въ Полтвѣ высшее училище, переименованное въ 1812 году въ академію, и предоставила другія льготы. Но дѣло вышло не такъ, какъ желала и надѣялась императрица. Іезуиты, невзирая на высочайшіе указы 2-го декабря 1772 г., 12-го мая 1774 г., 30-го декабря 1778 г., 9-го января 1780 и 17-го января 1782 года, коими повелѣвалось имъ быть въ подчиненности архіепископа могилевскаго, всячески отъ того уклонялись, желая быть вполне независимыми и направляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствія свои не обязательнымъ для каждаго вѣрноподданнаго путемъ, а тѣмъ, по которому вели ихъ до перваго уничтоженія ордена. Это заставило правительство ограничить кругъ дѣйствія іезуитовъ, воспретивъ имъ въздъ въ столицы; но и эта мѣра не перемѣнила образа ихъ дѣйствій. Іезуиты продолжали съ прежнею дерзостію привлекать къ католицизму православное юношество; когда же было воспрещено имъ принимать въ свои училища русскую молодежь, то они начали совращать съ православія нижнихъ чиновъ, почему, указомъ 13-го марта 1820 года, навсегда изгнаны изъ Россіи, съ воспрещеніемъ когда-либо въ нее возвращаться. Полотская академія и другія училища, въ томъ числѣ и витебское, закрыты. Впослѣдствіи времени, именно въ 1822 году, витебское іезуитское училище отдано базилианамъ, а отъ нихъ уже, въ эпоху воссоединенія униатовъ, перешло въ православное ведомство.

Завсѣмъ тѣмъ, однакожь, распространеніе католицизма въ Витебскѣ не столько одолжено вліянію іезуитовъ, сколько страшнымъ гоненіямъ, воздвигнутымъ на православныхъ, съ цѣлію склонить ихъ къ уни и тѣмъ убить преобладавшую въ томъ краѣ русскую народность.

Витебская губернія, хотя подверглась насильственному распространению униі послѣ другихъ русскихъ областей, подъ властію Польши состоявшихъ, тѣмъ не менѣе, съ возведеніемъ въ архіепископскій санъ Юсафата Кунцевича, настало для витеблянъ самое ужасное время религіознаго гоненія, вызвавшаго со стороны несчастнаго народа кровавое мщеніе, имѣвшее, однакожь, еще болѣе тяжкія для него послѣдствія.

Эта страница исторіи Витебска такъ важна и такъ тѣсно связана съ послѣдующими событіями, что мы не можемъ не удержать на ней вниманія нашихъ читателей и не рассказать имъ, хотя кратко, исторіи этого бича православія.

Юсафатъ Кунцевичъ родился въ 1580 году, во Владимірѣ-Волынскомъ, отъ православныхъ родителей Гавріила, и Марины; при крещеніи названъ Иваномъ. Отецъ его былъ сапожникъ, и потому присвоенное въ послѣднія времена Кунцевичемъ шляхетское достоинство никогда ему не принадлежало. Обстоятельство это, еще при жизни Кунцевича, было гласно указано депутатомъ и чашникомъ земли Волынской Лаврентіемъ Древинскимъ, въ замѣчательной рѣчи его королю Сигизмунду III, произнесенной въ 1667 году на варшавскомъ сеймѣ, въ присутствіи сенаторовъ и пословъ польскаго и литовскаго народа.

Въ рѣчи этой, Древинскій, исчисливъ претерпѣваемыя православными отъ униатовъ и католиковъ притѣсненія и обиды, обратясь къ лицу короля, сказалъ: «Внутреннее таковой обиды непресѣченіе проистекаетъ отъ того, что ваше королевское величество, противу справедливости, противу правъ и вольностей нашихъ шляхетскихъ, на высокіе саны властей духовныхъ, яко не свѣдуещъ породы ихъ, производитъ изволите. *Кто о семъ не въдаетъ, что нынѣ именуемый архіепископъ полоцкій, родившійся во Владимірѣ, есть сынъ купца нѣкоего сапожника, а оттуда, образовавъ себѣ фамилію шляхетскую, Кунцевичемъ титулуетъ себя?* Кто сего глазами не видитъ, что перемышльскій владыка, прозываемый Шишка, родился отъ пастиуха, и нынѣ родной братъ его, въ селеніи Влокѣ, въ холопахъ у кіевскаго воеводы имѣется? Кто о семъ не знаетъ, что владимірскій владыка сынъ есть мѣщанки львовской Стецковой? Кто (свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ) неизвѣстенъ, что хельмскій владыка есть нѣкій, прозываемый Покость, виленскаго купца сынъ, который у одного бургомистра виленскаго унесъ сукно, и если бы его не спасъ монашескій клубукъ, давно бы онъ пошелъ на висѣльничныи крюкъ?»⁽¹⁾

Отецъ Кунцевича, обучивъ сына польской грамотѣ, опредѣлилъ прикащикомъ къ одному виленскому купцу. Молодой Кунцевичъ,

(1) См. «Историческое извѣстіе объ униі». Соч. Бавтышь-Каменскаго.

живя вблизи св. Троицкаго монастыря, часто посѣщаль богослуженіе его, пѣлъ и читаль на клиросѣ и, такимъ образомъ, познакомился съ монахами. Съ обращеніемъ этаго монастыря въ унию, онъ, подобно многимъ изъ монастырской братіи, сдѣлался послѣдователемъ новаго ученія. Трудно рѣшить, что именно заставило Кунцевича принять унию: убѣжденіе, или же расчетъ — избавиться отъ преслѣдованія и приобрѣсти какія-либо права. Судя по тому, что, принимая унию, онъ былъ еще очень молодъ и не развитъ на столько, чтобы понимать существенную разность исповѣданій, скорѣе можно объяснять его измѣну религіи отцовъ расчетомъ, чѣмъ убѣжденіемъ.

Живя въ монастырѣ, Кунцевичъ постоянно посѣщаль іезуитскій коллегіумъ, гдѣ окончательно не только отсталъ отъ родной православной вѣры, но, подъ внушеніемъ іезуитовъ, воспиталъ въ своей душѣ не примиримую къ ней ненависть.

Окончивъ курсъ наукъ въ 1604 году, Кунцевичъ принялъ въ томъ же св. Троицкомъ монастырѣ монашество и названъ Іосафатомъ; спустя пять лѣтъ посвященъ въ іеромонахи и сталъ ревностнымъ, до фанатизма, поборникомъ и проповѣдникомъ своего исповѣданія; обладая епильнымъ краснорѣчіемъ, онъ многихъ совратилъ въ унию, почему получилъ даже отъ православныхъ названіе *душехвата* (1). Скоро, за столь необыкновенную ревность, онъ былъ сдѣланъ настоятелемъ сперва Бышенскаго, а потомъ Журавицкаго монастырей, гдѣ, съ неутомимою дѣятельностію, уловлялъ въ сѣти своего изумительнаго краснорѣчія чистыя, но въ ученіи вѣры слабыя, души лучшихъ сыновъ православной Церкви, почему, въ награду такого примѣрнаго усердія, въ 1614 году былъ поставленъ архимандритомъ виленскаго св. Троицкаго монастыря, намѣсто Іосафа Рутскаго, возведеннаго въ митрополиты на открывшуюся, со смертію Поцѣя, вакансію. Отправляясь въ Кіевъ, Рутскій взялъ съ собою, для проповѣданія униі, Кунцевича; но здѣсь, какъ свидѣтельствуемъ Кульчинскій, слава его омрачилась. Велѣдствіе дерзкихъ и оскорбительныхъ насмѣшекъ надъ православіемъ, кіево-печерскіе иноки до того возмутились, что краснорѣчивый Іосафатъ, избитый и обезславленный, едва спасъ свою жизнь внезапнымъ бѣгствомъ въ Вильно, гдѣ, однакожь, прежняя слава скоро къ нему возвратилась. Въ это время умираетъ старый и слабый характеромъ, полотскій архіепископъ Гедеонъ Брольницкій, хо-

(1) Нѣкто изъ современниковъ Іосафата, житель г. Вильно, написалъ огромнаго размѣра картину, на которой были изображены: тогдашній униатскій митрополитъ Инатій Поцѣй и Троицкаго монастыря архимандритъ Іосифъ Рутскій, въ свойственныхъ ихъ сану одеждахъ, а Іосафатъ—въ видѣ дьявола, съ рогами на головѣ, съ страшнымъ лицомъ и крюкомъ въ правой рукѣ, которымъ тащилъ къ себѣ души православныхъ; надъ головою его сдѣлана была надпись: «Душехватъ». См. «Витебскія Губ. Вѣдом.», 1858 г., № 43.—11-й отрывокъ «Исторіи полотской іерархіи».

тя и принявшій унію, но нисколько къ распространенію ея не усердствовавшій. По рекомендаціи митрополита Юсифа, Сигизмундъ III назначаетъ на эту кафедру Юсафата Кунцевича, который и хиротонисуется въ Вильно 12-го ноября 1617 года. Извѣстіе объ этомъ назначеніи привело въ ужасъ православныхъ жителей Витебска и всей епархіи, давно уже слышавшихъ о нечестивомъ фанатизмѣ и злобной ненависти Юсафата ко всему православному.

9-го января 1618 г. Юсафатъ торжественно въѣхалъ въ Полотскъ. Католическое и уніятское духовенство, въ особенности іезуиты, съ полною искренностію оказали ему всѣ возможныя почести; не таково было состояніе духа православныхъ. Одинъ изъ городскихъ бургомистровъ этого исповѣданія, говоря новопривышему архіепископу пріѣзженное слово, сказалъ: *«Если вступаешь въ градъ сей съ благимъ намъ пріемомъ, гряди во имя Господне; если же замышляешь противное, лучше бы тебѣ не входить въ оный»*.

Видно, сердце полочанъ чуяло то горе и страданія, какія предстояло имъ, съ православною витебскою братіею, испытать отъ религіознаго фанатизма повопосвященнаго архіепископа за преданность къ вѣрѣ отцовъ и преданіямъ восточной Церкви. Предчувствіе православныхъ вполнѣ сбылось. Едва ли не съ перваго дня пріѣзда своего въ Полотскъ, Юсафатъ началъ открыто призывать всѣхъ къ измѣнѣ православію и обращать въ унію. Лаская и прельщая страдавшихъ честолюбіемъ, обѣщаніемъ разныхъ матеріальныхъ выгодъ и почестей, убеждая силою своею поразительнаго краснорѣчія слабыхъ въ вѣрѣ и малообразованныхъ, и, угрожая судомъ и наказаніемъ болѣе твердымъ, онъ производилъ обильный ловъ душъ въ сѣти католицизма. Полотскій воевода Михаилъ Друцкій-Соколицкій, каштелянъ Иванъ Корсакъ, подсудокъ Даниль Щитъ и шляхтичъ Ѳедоръ Воловичъ первые обращены въ унію, и увлекли за собою множество другихъ.

Исходатайствовавъ въ 1618 г. привилегію на подчиненіе своей власти всѣхъ православныхъ церквей и монастырей въ Полотскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Мстиславлѣ, Оршѣ и вообще въ предѣлахъ архіепископіи находившихся, Юсафатъ, еще съ большей свободой, началъ повсемѣстно истреблять православіе, дѣйствуя не какъ добрый пастырь стада Христова — словомъ, убѣжденіемъ и любовію, а какъ злѣйшій врагъ — побѣдитель въ непріятельской странѣ, огнемъ и мечемъ. Въ подтвержденіе этихъ словъ мы бы могли развернуть предъ глазами читателей много кровавыхъ современныхъ историческихъ актовъ и лѣтописей; но это слишкомъ долго задержало бы насъ при грустныхъ воспоминаніяхъ о плачевной судьбѣ православія въ Витебскѣ, а потому ограничиваемся лишь выпиской нѣсколькихъ словъ изъ прибавленія къ синопису, изданному въ Вильно, на польскомъ языкѣ и, во время сейма 27-го сентября 1632 года, поднесенному королю Владиславу. Исчисливъ кратко бѣдствія и гоненія православной Церкви

въ послѣдніе годы въ Кіевѣ, Луцкѣ, Хельмѣ, Львовѣ и Вильно, авторъ (замѣтьте, католикъ) продолжаетъ: «Въ Минскѣ церковную землю на построеніе татарской мечети употреблено. Въ Полотскѣ кандалами (железными оковами) къ униі православныхъ принуждали, прочихъ же изъ города изгнали. Въ Туровѣ насильно церкви со всею утварью и имуществомъ отобраны, и епископъ благочестивый оттуда выгнанъ. Въ Минскѣ священники благочестивые посажены въ бочку и мучимы были. Въ Оршѣ, Могилевѣ и Мстиславлѣ, по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ церкви запечатаны; даже и въ шалашахъ отправлять молитвословіе запрещается. Въ Ковно церковь разграблена и земля церковная отобрана. Монастыри Троицкій, Лаврашевскій, Граденскій и прочіе опустошены. Въ Бѣлостокѣ такое определение состоялось, что если бы кто изъ мѣщанъ, за крестнымъ ходомъ изъ церкви, въ костелъ не пошелъ, таковой смертію казненъ будетъ. Въ Мятзелѣ православные къ униі отъ тамошняго старосты насильно принуждаемы и въ ссылку изъ города, какъ аріане, декретомъ осуждены были, и прочія нестерпимыя обиды, узы, темницы, гоненія и муки, въ королевствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ, претерпѣваютъ православные, для того единственно, что не дѣлаютъ послушанія униѣтамъ, по ихъ оклеветанію и доносамъ. А что все сіе, по причинѣ обширности, на самомъ мѣстѣ не освидѣтельствовано (хотя на всякую изъ сихъ вещей имѣются законныя доказательства), не наша есть вина, но несчастіе время, сего не допускающее, есть причиною. А есть ли въ семъ будетъ надобность, мы учинить сіе обязуемся, а наипаче, что относится до вилenskaго братства, всѣ вышесказанныя обиды и насилія совершенно перечислить и перечнемъ изъ книгъ трибунальскихъ, земскихъ, гродскихъ доказать можемъ, а сіе подлинно сдѣлаютъ и прочіе, какъ польскіе, такъ и литовскіе жители»⁽¹⁾.

Ежедневно усиливаемыя Кунцевичемъ притѣсненія православныхъ жителей, какъ Витебска, такъ и другихъ городовъ, возбуждая сперва всеобщій ропотъ, вызвали затѣмъ открытую ненависть. Начались явно и тайно совѣщанія о мѣрахъ къ избавленію отъ такого притѣснителя вѣры и народности; наконецъ, дошло и до покушенія на жизнь Юсафата. Такъ, жители Могилева не допустили его не только въѣхать въ городъ, но даже и приблизиться къ нему на разстояніи выстрѣла, грозя, въ противномъ случаѣ, стрѣлять изъ ружей и пушекъ.⁽²⁾ Въ

⁽¹⁾ «См. Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ униі. Баттышъ Каменскаго. Стр. 93 и 94. Мѣры, какія употреблялъ Юсафатъ Кунцевичъ для уничтоженія православія и распространенія униі, ясно видны изъ актовъ книгъ полотскаго уѣзднаго суда за 1619, 1620, 1621, 1622 и 1623 годы, архивовъ полотской духовной консисторіи и монастырей Тадулинскаго и полотскихъ Борисоглѣбскаго и Богоявленскаго.»

⁽²⁾ Обстоятельство такой встрѣчи Юсафата жителями Могилева подробно изло-

Мстиславль Юсафатъ едва не былъ убитъ изъ ружья, а въ Оршѣ чуть не утопленъ; такая-же участь не разъ грозила ему и въ Витебскѣ, но правосудіе Божіе все еще удерживало руку мести. Такой пріемъ архіепископа въ важнѣйшихъ городахъ его епархіи заставилъ Кунцевича призадуматься. Онъ началъ опасаться за свою жизнь и потому обратился къ великому Канцлеру литовскому Льву Сапѣгѣ, съ просьбою о содѣйствіи къ распространенію уніи и о защитѣ отъ угрозъ и покушеній схизматиковъ на его жизнь; но просьба ревностнаго архіепископа была напрасна: канцлеръ Сапѣга отвѣчалъ ему слѣдующимъ, столько же замѣчательнымъ по безпристрастному взгляду на дѣло, сколько и по краснорѣчію, письмомъ отъ 12-го марта 1622 года, изъ Варшавы:

«Преосвященный архипастырь полотскій! Не хотѣлъ бы я вступать
« съ вашимъ преосвященствомъ въ переписку и споры, но, видя упор-
« ство, съ какимъ вы отстаиваете свои убѣжденія, не внимая никакимъ
« резонамъ, нахожу себя вынужденнымъ отвѣчать, вопреки моему же-
« ланію, на неосновательное письмо ваше. Признаюсь, что и я забо-
« тился о дѣлѣ уніи и что было бы неблагоразумно оставить это дѣло;
« но мнѣ никогда и на умъ не приходило того, что ваше преосвященство
« будете присоединять къ ней столь насильственными мѣрами. Всевышній
« зоветъ къ себѣ кротко: *прійдете ко мнѣ вси* и проч., а не хочетъ и не
« пріемлетъ рабовъ, влекомыхъ насильно. А вы своимъ неосмотритель-
« нымъ насиліемъ подстрекнули и, такъ сказать, принудили народъ рус-
« скій къ сопротивленію и нарушенію присяги, данной его королевскому
« величеству (разумѣемъ здѣсь отпаденіе Москвы отъ избраннаго ею
« въ король Владислава). Вамъ трудно въ этомъ запереться, когда
« васъ уличаютъ жалобы, поданныя русскими начальникамъ польскимъ
« и литовскимъ. Развѣ вамъ неизвѣстенъ ропоть неразумительнаго
« народа, выразившійся желаніемъ его принять турецкое подданство,
« чѣмъ терпѣть такое притѣсненіе своей вѣры и благочестія? По ва-
« шимъ словамъ, противятся уніи нѣкоторые только монахи изъ епар-
« хіи Борецкаго (митроп. кiev.) и Смотрицкаго (полотск. архіеп.)
« и нѣсколько лицъ изъ кievской шляхты; но прошеніе королю о томъ,
« чтобы онъ утвердилъ въ сихъ епархіяхъ Борецкаго и Смотрицкаго,
« а васъ съ прочими удалилъ, подписано не нѣсколькими монахами, а
« всѣмъ запорожскимъ войскомъ. Горе тому, кто легковѣренъ! Въ
« этомъ прошеніи обстоятельства уніи являются совсѣмъ въ новомъ
« видѣ. А мало ли получаемъ мы жалобъ на сеймахъ не отъ монаховъ
« только, но отъ всей Украины и Руси! Мало того, что казаки жи-

жено въ декретѣ Сигизмунда III отъ 22-го марта 1619 г., изъ Варшавы. «Вѣстникъ Юго-Западной Росіи.» Кв. декабрьская, за 1862 годъ. Декретъ этотъ хранится въ архивѣ б. уніятскихъ митрополитовъ при Святѣйшимъ Синодѣ. Прибавл. катол. подъ буквой Б, № 216.

« даютъ рѣшенія назваченной по этому предмету комиссіи: дѣло въ
 « томъ, принесетъ ли она пользу! Результатъ засѣданій этой комиссіи
 « сулитъ намъ только надежду неизвѣстнаго блага; а потому безраз-
 « судно было бы пагубнымъ насиліемъ нарушать вождельвное согла-
 « сіе и подобающее королю повинованіе. Руководясь не столько лю-
 « бовно къ ближнему, сколько суетою и личными выгодами, вы, зло-
 « употребленіемъ своей власти, своими поступками, противными свя-
 « щенной волѣ и приказаніямъ Рѣчи Посполитой, зажгли тѣ опасныя
 « искры, которыя всѣмъ намъ угрожаютъ пагубнымъ и всеистребляю-
 « щимъ пожаромъ. Вы пишете, « что и политика обращаетъ на нихъ (?)
 « вниманіе », а я прибавлю: не только политика, но и правительство;
 « ибо отъ повиновенія ихъ (православныхъ) больше пользы для края,
 « нежели отъ вашей уніи. Поэтому, вы должны соображать власть
 « свою и обязанности настыря съ волею короля и намѣреніями пра-
 « вительства, помня, что власть ваша ограничена, и что затѣи ваши,
 « противныя спокойствію и общей пользѣ, будутъ сочтены оскорбле-
 « ніемъ величества. Если бы вы осмѣлились сдѣлать что-нибудь по-
 « добное въ Римѣ или Венеціи, васъ бы тамъ научили уваженію къ
 « постановленіямъ и политическимъ намѣреніямъ правительства. Вы
 « пишете « объ обращеніи отщепенцевъ » и проч.: нужно заботиться
 « объ ихъ обращеніи и о томъ, чтобы было *едино стадо и единъ па-*
 « *стырь*; но нужно это дѣлать благоразумно и сообразно съ обстоя-
 « тельствами времени, какъ дѣло, зависящее отъ свободнаго согласія,
 « особенно въ нашемъ отечествѣ, въ которомъ рѣшительно не примѣ-
 « нима сентенція: « *понуди вшити* ». Согласно ученію св. писанія, нуж-
 « но заботиться, чтобы наша ревность и желаніе единовѣрія основы-
 « вались на правилахъ любви; но вы уклонились отъ наставленія сего
 « апостола, а потому неудивительно, что подвластные вамъ вышли
 « изъ повиновенія. Что касается опасностей, угрожающихъ вашей жиз-
 « ни, на это можно сказать: каждый самъ бываетъ причиною своего
 « несчастія. Нужно умѣть пользоваться благоприятными обстоятельст-
 « вами, а не предаваться безразсуднымъ увлеченіямъ. Особенно, ког-
 « да дѣло касается перемѣны вѣры, начальники подвергаются безчис-
 « леннымъ опасностямъ. « Я обязанъ, говорите вы, подражать еписко-
 « памъ », и проч. Подражать святымъ епископамъ въ терпѣніи, славо-
 « словіи Бога, подражать, на примѣръ, Златоустому и другимъ вели-
 « кимъ іерархамъ—дѣло похвальное; но нужно подражать имъ и въ бла-
 « гочестіи, учительствѣ, долготерпѣніи и примѣрной жизни. Прочитай-
 « те творенія Златоустаго: вы не найдете въ нихъ ни жалобъ, ни про-
 « тестовъ, ни процессовъ, ни затѣй, ни судебныхъ объявленій, ни *поз-*
 « *вола* къ суду антиохійскому или константинопольскому о гоненіяхъ,
 « низверженіи, оказаніи благочестивыхъ священниковъ, а найдете только
 « то, что способствуетъ къ умноженію славы Божіей, назиданію душъ
 « человѣческихъ и умилоствленію разгнѣванной на служителей Церкви

« Евдокіи. Теперь обратимся къ дѣяніямъ вашего преосвященства. Вы
« наполнили земскіе суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епископскія
« канцеляріи позывами, тяжбами, довосами, чѣмъ не только нельзя рас-
« пространить уніи, но можно расторгнуть и послѣдній союзъ любви въ
« обществѣ и наполнить сеймы и управы разладомъ и ссорами. Пишете,
« что они (т. е. апостолы и *другіе* ревнители Божіи) не взирали ни на царя,
« ни на кесаря, и проч. Нѣтъ! Всемогущій Богъ велитъ уважать ихъ:
« *противляйся власти, Божію вельнію противляется; исть власти*
« *аще не отъ Бога*, говоритъ онъ. Для того и Христосъ сказалъ: *воз-*
« *дайте Божія Богови, и кесарева кесареви*. Поэтому, вы и каждый
« должны помнить, что всѣ люди, исполняющіе законъ Божій, должны
« повиноваться волѣ своего повелителя. Снова пишете: «если неправо-
« вѣрные нападаютъ на меня, то я поневолѣ долженъ защищаться», и
« проч. Не такъ поступать, учитъ насъ Христосъ! Ведомый, *яко овча*,
« *на заколеніе*, имѣвшій для своей защиты легіоны ангеловъ, онъ молил-
« ся за враговъ своихъ: такъ нужно поступать и вашему преосвященству.
« Мудрый человекъ долженъ употребить всѣ мѣры благоразумія, прежде
« чѣмъ возьмется за оружіе, не писать колкихъ писемъ къ начальству
« его королевскаго величества, не отвѣчать ему угрозами, какъ это
« дѣлаете вы. Апостолы и другіе святые никогда такъ не поступали.
« Продолжаете, «что вамъ вольно топить уніатовъ, рубить имъ го-
« ловы», и проч. Нѣтъ! не должно такъ поступать съ ними, потому
« что божественное евангеліе строго внушаетъ всѣмъ мстителемъ, въ
« томъ числѣ и вамъ: *мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ*. Сколько апостоловъ,
« учениковъ Господнихъ, сколько христіанъ запечатлѣли своею жиз-
« нью славу распятаго Господа, претерпѣли ради Его жесточайшія му-
« ки, и однако нигдѣ нѣтъ въ св. писаніяхъ ни одной ихъ жалобы или
« протестовъ на Нероновъ, Тиверіевъ, Діоклеціановъ, но *идящу ра-*
« *дующеюся отъ лица собора, яко за имя Господа Иисуса сподобитася*
« *пріяти*. « На сеймахъ, продолжаете вы, поднимаются голоса, не толь-
« ко вредные для уніи, но для всего правовѣрнаго духовенства рим-
« скаго», и проч. Кто же тому причиною? Одна унія—виновница всѣхъ
« этихъ несчастій! Когда вы дѣлали насиліе совѣсти человѣческой,
« запирали церкви для того, чтобы люди погибали безъ богослуженія,
« безъ христіанскихъ обрядовъ и таинствъ, какъ невѣрные; когда зло—
« употребляете милостями и преимуществами королевскими, вы обхо-
« дились безъ насъ; а когда нужно усмирять смуты, возбужденныя въ
« народъ вашимъ безпутствомъ, вы хотите нами запирать двери. Оттого
« противная сторона думаетъ, что мы съ вами составили заговоръ, на-
« правленный къ насилію совѣсти и нарушенію всеобщаго спокойствія,
« чего, конечно, не бывало. Довольно и того, что ваше преосвященство
« съ нами въ уніи, такъ и берегли бы эту унію про себя, и *въ званіи, въ*
« *неже званіи бысте*, оставайте себя спокойно, не подвергайте насъ
« общенародной ненависти, а себя явной опасности и всеобщему на-

« тивитесь. Мы знаемъ изъ опыта снисхожденіе св. отца, который, бу-
 « дучи отцомъ, а не отчимомъ Церкви Христовой, такъ мудро управ-
 « ляетъ ею, что весьма многое разрѣшилъ въ нѣкоторыхъ странахъ, для
 « ихъ общественнаго блага, что у насъ запрещено какъ грѣхъ смерт-
 « ный. Въ силу всего этого, король приказалъ вашему преосвящен-
 « ству распечатать и отпереть церкви въ Могилевѣ, о чемъ и извѣ-
 « щаю васъ, по его приказанію. Если же и послѣ настоящаго напо-
 « мнанія вы этого не сдѣлаете, то, по повелѣнію его величества, я
 « самъ прикажу распечатать и отдать церкви (православнымъ), дабы
 « они въ тѣхъ церквахъ отправляли свое богослуженіе, согласно съ
 « уставами своими. Жидамъ и татарамъ позволено въ областяхъ ко-
 « ролевства имѣть свои синагоги и мечети, а вы печатаете христіан-
 « скія церкви! Оттого и ходитъ вездѣ молва, что они (православные)
 « лучше хотятъ быть въ подданствѣ невѣрныхъ турокъ, чѣмъ терпѣть
 « такое насиліе своей совѣсти. Быть можетъ, вы скажете: *« было бы
 « несправедливо дѣлать это снисхожденіе подъ предлогомъ сомнитель-
 « наго спокойствія въ будущемъ? »* Не только справедливо, но и необ-
 « ходимо, потому что если мы станемъ еще болѣе стѣснять ихъ ре-
 « лигію, то произойдутъ неизбежные раздоры въ обществѣ. Повсюду
 « уже раздается молва, что они навсегда желаютъ разорвать всякую
 « съ нами связь. Что касается до полочанъ и иныхъ противъ васъ воз-
 « мутителей, то, можетъ статься, они и въ самомъ дѣлѣ таковы, а все-
 « таки скажу, что вы сами расположили ихъ къ возмущенію. Они бы-
 « ли вамъ послушны, не оставляли вашей Церкви, а вы сами отъ себя
 « оттолкнули ихъ. Уже ваша унія отторгла отъ насъ Новгородъ-Сѣ-
 « верскій, Стародубъ, Козелецъ и многія крѣпости. Она и теперь
 « главною причиною того, что народъ московскій устраняется отъ
 « королевича (Владислава), какъ это видно изъ писемъ русскихъ къ
 « вельможамъ государственнымъ и начальникамъ великаго княжества
 « Литовскаго. И поэтому-то мы не хотимъ, чтобы эта, столь пагуб-
 « ная для насъ, унія до конца погубила насъ. Вотъ отвѣтъ на письмо
 « ваше! Желалъ бы я на будущее время быть свободнымъ отъ сося-
 « занія съ вами. Прошу только Всевышняго о ниспосланіи вамъ воз-
 « делѣнныхъ для васъ благъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о ниспосланіи вамъ ду-
 « ха кротости и любви къ ближнему. » (1)

Письмо это произвело на Кунцевича глубокое впечатлѣніе, но къ раскаянію и перемѣнѣ образа дѣйствій не подвигнуло. Притѣсне-

(1) См. II т. «Вѣстника Юго-Западной и Западной Россіи» за 1862 г. Письмо это было неоднократно перепечатываемо въ разныхъ русскихъ и польскихъ сочиненіяхъ; о немъ упоминаетъ также и Стебельскій (Chorologia, т. III, str. 290); Вишневецкій же, въ своей исторіи литературы польской, приводитъ его какъ образецъ высокаго краснорѣчія.

нія и оскорбленія вѣрнаго преданіямъ отцовъ народа русскаго продолжались съ прежней, если не съ большей, силой. Между тѣмъ, многочисленные списки письма Санъги ходили по рукамъ не только въ Витебскѣ, но даже и за предѣлами архіепископіи полотской, усиливая негодованіе къ Юсафату и подготавливая недовольныхъ къ мести.

Обстоятельство это не могло укрыться отъ хитраго и пронырливаго Кунцевича; оно приводило его въ страхъ и, въ то же время, вызывало къ усиленной борьбѣ съ возникающими препятствіями. Въ письмѣ къ другу и покровителю своему, митрополиту Юсифу Рутскому, Кунцевичъ по этому предмету выражается такъ: «Да и его милость нашъ канцлеръ ажъ теперь..... на листъ его милости, презъ бунтовщиковъ полоцкихъ миѣ отданный, у сираведли.... же мя неслухне удали о грубиянство поповское, не зважаючи, же схизма грубиянство намножила, а не единость; еще и то не добре, же его милость листы миѣ за ними даючи, конѣ тыхъ же листовъ, сняши, писари имъ зброднемъ даютъ, которые они всюду по своихъ разсылають; часомъ тежъ сами листъ отпечатавши, преписують; послѣ притиснувши якольвекъ печатать, отдають.»⁽¹⁾

Наконецъ часъ мести насталь.

Это было въ воскресный день, 12-го Ноября 1623 года. Въ то время, когда архіепископъ Юсафатъ оканчивалъ въ Успенской церкви (нынѣ на этомъ мѣстѣ православный соборъ) утреню, архидіаконъ его Доровей, увидавъ подходящаго къ переправѣ священника Воскресенской Заручевской церкви о. Илію, бывшаго прежде въ повиновеніи этаго архіепископа, но впослѣдствіи подчинившагося новопоставленному православному епископу Мелетію, схватилъ его и, связавъ по рукамъ и по ногамъ, посадилъ въ архіепископскую кухню. Вѣсть о такомъ новомъ оскорбленіи православія, въ лицѣ служителя его, быстро разнеслась по городу; ударили въ набатъ — и тысячи народа, вооруженнаго чѣмъ попало, мгновенно собрались у архіерейскаго дома. Дверь была выломана, арестованный священникъ освобожденъ, прислуга и причетники изранены и разогнаны, а архіепископъ, принявшій ударъ бердышемъ въ голову, убитъ изъ ружья и полураздѣтый брошенъ въ Двину, откуда тѣло его было вытащено рыбаками, кои, привязавъ къ ногамъ и головѣ тяжелые камни, свезли его на лодкѣ и, противъ предмѣстія Витебска — Песковатика, бросили посреди рѣки.

Это ничтожное, повидимому, обстоятельство въ кончинѣ Юса-

⁽¹⁾ Подлинникъ письма, весь отъ начала до конца писанный рукою Кунцевича, хранится въ архивѣ св. Синода, въ отдѣлѣ бумагъ б. униатскихъ митрополитовъ. Записано по добавочной описи 1622 г., подъ № 13.

фата, чрезъ два слишкомъ вѣка, какъ увидимъ ниже, послужило изобрѣтательнымъ ревнителямъ католицизма и колонизированія Руси къ распространенію въ народѣ новыхъ, довельзя нелѣпыхъ, толковъ о мнимой святости и чудесахъ этого архіепископа, едва не обратившихъ воссоединявшихся въ то время къ православію витебскихъ уніатовъ къ языческому обожанію камня. Польскіе писатели, а въ томъ числѣ и Косицкій, въ сочиненіи своемъ *żywot imęczęstwo Iozafata Kupsewicza*, повѣствуя объ убіеніи архіепископа Юсафата, изображаютъ неистовство и ярость народа самыми ужасными красками и, такимъ образомъ, невольно свидѣлствуютъ о той ненависти, какую успѣлъ заслужить у православныхъ этотъ ревностный распространитель уніи.

Смерть архіепископа Юсафата не только не послужила къ облегченію участи православныхъ въ Бѣлоруссіи, но вызвала, со стороны польскаго правительства, еще большее угнетеніе, коимъ, хотя и была подавлена навремя вспыхнувшая рѣшимость бѣднаго народа свернуть съ себя тяжкій религіозно-политическій гнетъ, но заронившаяся въ сердца страдальцевъ искра ненависти къ притѣснителямъ не погасла и въ свое время послужила къ поддержкѣ того ужаснаго огня мести, возженнаго отважными украинцами, который былъ потушенъ лишь рѣками крови поляковъ и ихъ достойныхъ сотрудниковъ — жидовъ и уніатовъ.

Король польскій, узнавъ объ убіеніи Юсафата, нарядилъ комиссію для немедленнаго изслѣдованія дѣла на мѣстѣ и наказанія виновныхъ. Члены этой комиссіи: воевода виленскій Левъ Сапѣга, каштелянъ мстиславскій Христофоръ Друцкій-Сокольницкій, референдарій и писарь великаго княжества Литовскаго Александръ Корвинъ-Гонсевскій, староста оршанскій Богданъ Сапѣга и витебскій воевода Николай Завиша, боясь прибытія въ Витебскъ казаковъ, не вдаваясь въ обстоятельное изслѣдованіе дѣла, по коему оказались прикосновенными не только витебляне, но и многіе жители Полотска, Орши, Могилева и даже Вильно, порѣшили его въ три дня, именно 28-го января 1624 года.

Рѣшеніемъ этимъ приговаривались къ смертной казни около ста лицъ; но какъ большее число ихъ успѣло скрыться, то обезглавлены на плахѣ, предъ ратушей, лишь двадцать. Имѣнія всѣхъ обвиненныхъ конфискованы. Городъ лишенъ магдебургскаго права и всѣхъ, прежде дарованныхъ ему, привилегій и подчиненъ управленію воеводы. Съ ратуши, въ которой совершился заговоръ объ убіеніи архіепископа, въ знакъ уничтоженія правъ города, снятъ вѣчевой колоколь, а само сданіе разрушено, въ виду неутѣшно рыдавшаго народа. Вѣтхую деревянную Успенскую соборную церковь, при которой было совершено убійство Юсафата, опредѣлено сломать,

а на томъ самомъ мѣстѣ воздвигнуть большую каменную, на счетъ витебскихъ граждавъ, и на колокольнѣ ея повѣсить колоколь, вылитый изъ колоколовъ старой церкви и вѣчеваго, съ надлежащею надписью. Кромѣ того, много менѣе виновныхъ жителей было подвергнуто тюремному заключенію, наказанію плетями и изгнанію; церкви отданы уніятамъ, исповѣданіе коихъ сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ православныхъ жителей Витебска (1).

(1) Вотъ что именно сказано въ рѣшеніи комиссарскаго суда по дѣлу объ убіеніи полотскаго архіепископа Юсафата Куницева, въ 1624 году, января 22-годня: ... Затѣмъ ратушу повелѣваемъ тотчасъ разрушить, а вмѣсто ея позволяемъ имѣть гостинный дворъ, какъ было и прежде. Въ дѣлахъ судебныхъ могутъ дѣлать аппеляціи въ надворный судъ его королевскаго величества. Пошлины отъ своихъ товаровъ и всякой торговли, по казенному уставу, должны платить въ казну его королевскаго величества. А такъ какъ, за исключеніемъ немногихъ лицъ, всѣ были виновны, то слѣдовало бы всѣхъ за это преступленіе подвергнуть смертной казни. Но мы, смѣгая строгость законовъ, хотя въ этомъ умыслѣ всѣ виновны, назначаемъ казнь только тѣмъ немногимъ, которыхъ намъ сами граждане представили въ оковахъ и которыхъ мы, вѣдѣвше собственнаго сознанія на допросахъ (здѣсь должно замѣтить, что допросы снимались при помощи пытки), признаемъ болѣе виновными, а именно: бурмистровъ Наума Волка, Семена Нѣму, Ивана Гуслаицева, который билъ набатъ въ ратушный колоколь, Григорія Скарубу, Гаврилу Романовича, Гермака Гайдука, Хурсу Шаповала — сына, Богдана Кузнеца, Гришку Байку, Гаврилу Пушкаря, Яску Любчица, Ивана Алхима, Романа Даниловича, Ѳедора Казака, Горшечника Ѳедора Цицѣшку, Янова Шивкаря, Степана Триханова, Василия Гурса, Петра Васильевича Полочанина, который, пріѣхавши въ Витебскъ, помогалъ заговорщикамъ словомъ и дѣломъ и хотѣлъ затруднить судъ комиссарскій, о чемъ нами допрошенный признался (подъ пыткой), что полотскіе граждане, находясь въ связяхъ съ виленскимъ братствомъ и съ другими, часто составляли заговоры и дѣлами денежную складчину на возмущеніе, а оцъ списокъ заговорщиковъ и реестры денежнымъ вкладамъ держалъ у себя и теперь имѣетъ въ Полотскѣ въ своемъ домѣ, и что сынъ его Василій былъ здѣсь въ Витебскѣ, во время убіенія отца владыки. Также и тѣхъ, которыхъ списокъ представленъ намъ городовою управою и которые, будучи виновны въ возбужденіи и составленіи сихъ мятежей, заговоровъ и въ совершеніи сего гнуснаго преступленія, совершивъ оное, ушли до нашего пріѣзда, а именно: Ѳедора Невгода — царя и сына его Ваську, Матиса и Ваську Ереміашевичей, Ивана Лабуна, который стащилъ плащъ съ трупа покойнаго владыки и ушелъ съ нимъ, Никиту шаночника съ сыномъ Давыдомъ, Давыда старшаго — благовѣщенскаго попа, сына его Илью Давыдовича — воскресенскаго заручевскаго попа, Околу (Okolc) Балбышку — попа церкви Св. Духа, Петра Алексѣева — попа Воскресенскаго и попа Ивана Кашенца, которые подстрекали своими совѣтами и увѣщаніями народъ къ злодѣянію, Дончука Гайдука, Яську Казаческа, Соха-царя, который похитилъ серебряную чашу покойнаго архіепископа, Цѣшку Кожевника, Стефана Пасеру, главнаго зачинщика и буцтовщика, Яську Якимовича, Ѳедора Таньку, Михайлу Вилмова, Мойсея Долгаго, Ивана и Николая Нашковскихъ, Гришку Слесаря, Николая Олейника (послѣдніе два ушли изъ тюрьмы), Богдана Лытку, Андрея Колесника, Ивана Лезурина, Марка Мисвика, Ивана Ацшаго, Дземешку Кузнеца, Кириза Миссину, Яську —

Но не одинъ Витебскъ перенесъ печальныя послѣдствія убіенія архіепископа Юсафата: въ Полотскѣ, Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ и другихъ городахъ Бѣлоруссіи, исповѣдывавшіе православную религію подверглись новымъ гоненіямъ, какъ со стороны католиковъ, такъ и отъ уніатовъ; а поданная въ томъ 1623 году, на сеймѣ варшавскомъ, конституція, въ видахъ примиренія враждовавшихъ сторонъ, на дѣлѣ не только никакого полезнаго примѣненія не имѣла, но

зятя Денисовой, Петра Стольчину, Ваську Продуху, Ѳедора Мушеву, Семена Старинскаго съ дѣтьми, Давилку Высоцкаго, Жлана Комушено, Прокопа москаля и Тараську пирожника Денисовыхъ, Матвѣя Пгнатева, Иваньку съ Подводной земли, Гаврилу Шаповала; съ Задуновскаго посада: Ивана Златка, Кондрата Луку, Гаврилу Златка, Андрея Златка, Андрея Клевчика, Гаврилу Быка, Мойсея Драгалу, Филипа Аѳанасія Кока; съ посада Слободскаго: Ивана Козла, Алексѣя москаля, Ивана Ольшаника, Гришку Пасіору, Апасѣвку Хому, Сочивку Ѳедора Цѣребимовича, Якова Дубиноса, Олеска Арцѣмова, Юсіпа Голика, Никиту Заблоцкаго Захарчина, Ивана москаля, Ваську Бѣхута, Павла Шарьну, Аѳанаса Павловича; съ посада Русскаго: Николая Кошельника, Дементія Скропина; съ посада Заручевскаго: Арешку Цѣрмукова Шапурова, Семена Хлюсту. Этихъ всѣхъ бѣжавшихъ заочно осуждаемъ *на смертную казнь*. Гдѣ бы только кто-нибудь изъ нихъ отысканъ ни былъ, долженъ быть смертно казненъ *безъ всякаго суда и милосердія*; а движимое и недвижимое ихъ имущество, въ Витебскѣ и въ другихъ мѣстахъ находящееся, какъ по измѣнникахъ, мятежникахъ и иуршителяхъ общественнаго спокойствія оставшееся, присуждаемъ конфисковать въ пользу казны его королевскаго величества.

Вышепомянутымъ же слугамъ покойнаго отца архіепископа мы, приказавъ подтвердить присягою ихъ показаніе объ увѣчьяхъ и убыткахъ, назначаемъ третій день для исполненія сей присяги, а по исполненіи ея, согласно понесеннымъ каждымъ изъ нихъ убыткамъ, которыхъ общая сумма составляетъ 3,079 злотыхъ, присудили вознагражденіе съ имущества витебскихъ гражданъ, а для обезпеченія исполненія сего нашего приговора, которое должно совершиться отъ нынѣшняго числа чрезъ шесть недѣль, назначаемъ, въ случаѣ неустойки въ срокъ, взыскать съ виновныхъ тройную сумму поручительныхъ денегъ, исполненіе чего поручаемъ г. витебскому воеводѣ.

А такъ какъ возмущеніе началось по сигналу ратушнаго и нѣкоторыхъ церковныхъ колоколовъ, то приказываемъ воеводичу витебскому войту отнять всѣ колокола и отдать въ цейхаузъ, изъ которыхъ потомъ, съ вѣдома будущаго полотскаго архіепископа, вылить, въ память происшествія, большой колоколъ, съ надписью о семъ злодѣяніи, и отдать соборной церкви Пречистенской, при которой былъ умерщвленъ покойный владыка.

Съ того же времени, при всѣхъ иныхъ церквяхъ, за исключеніемъ упомянутой соборной, колоколовъ не имѣть, безъ позволенія и особеннаго разрѣшенія его преподобія, отца митрополита Кіевскаго, нынѣшняго и его преемниковъ.

Ту же соборную церковь Пречистенскую должны мѣщане вновь великолѣпно отстроить собственнымъ иждивеніемъ. Иныя законныя наказанія предоставляемъ суду и рѣшенію его величества, нашего милостиваго короля.

А такъ какъ здѣсь находятся мѣщане разныхъ вѣдомствъ, которые совмѣстно совершили сіе ужасное преступленіе и предъ нами, комиссарами, не оправдались, то,

какъ постановленіемъ сейма вельно было, впредь до окончательнаго разсмотрѣнія и рѣшенія дѣла о греческой вѣрѣ, всякія спорныя между православными и уніятами дѣла и тяжбы уничтожить, то естественно, что этимъ выиграли только обидчики, т. е. уніаты, а не истцы, т. е. православные.

Между тѣмъ, ревнители католицизма съумѣли, для достиженія задуманныхъ ими цѣлей, воспользоваться самою смертію Кунцевича. Такъ, въ слѣдующемъ 1624 году, папа Урбанъ VIII, по ходатайству короля и уніятскаго духовенства, въ видахъ усиленія въ народѣ преданности и довѣрія къ святости распространяемой ими, съисключительно политической цѣлю, уніи⁽¹⁾, причислилъ Юсафата къ лику блаженныхъ (beatorum) мучениковъ римской Церкви, повелѣвъ уніатамъ праздновать память его 16-го сентября, вслѣдствіе чего гробъ съ набальзамированнымъ тѣломъ его былъ вынутъ изъ склепа и поставленъ въ Полотской церкви, гдѣ и находился до завоеванія этого города войсками царя Алексѣя Михайловича; въ это же время, по случаю войны, гробъ увезенъ сперва въ мѣстечко Жировицы, потомъ въ Замосье, наконецъ, при архіепископѣ Гавріилѣ Колендѣ, вновь возвращенъ въ Полотскъ и, по устройствѣ при Софійской церкви особаго пре-

въ уваженіе ходатайства остальныхъ витебскихъ мѣщанъ его королевскаго величества, предоставляемъ имъ право оправдываться потомъ предъ королевскимъ инвистигаторомъ.

Далѣе, такъ какъ бурмистръ Петръ Ивановичъ, ратманы: Жданъ Щуръ, Филопъ Громъ, Гариъ Хорошка, Иванъ Гутеръ, Лавникъ Николай Гутеръ, также Иванъ Щуръ, Васька Кека, Григорій Боничъ Писарь, Азарка Васильевичъ, всѣ они были послушны блаженной памяти архіепископу, не принадлежали ни къ какимъ бунтамъ и заговорамъ и въ тотъ воскресный день находились при отцѣ архіепископѣ и съ другими были на богослуженіи, то мы ихъ освобождаемъ отъ всякой вины и наказанія. Что же касается до свободы отъ пошлинъ, должны ли они терять это преимущество за вину всего города, или, какъ невинные, должны сохранить его, это предоставляемъ на волю и рѣшеніе его величества, нашего милостиваго короля.

Затѣмъ, вписавъ въ это рѣшеніе весь ходъ дѣла, приложивъ печати и подписавъ собственноручно, приказали внести въ витебскія городскія актовыя книги. Оттуда мы и заимствовали это рѣшеніе. См. «Витеб. Губ. Вѣд.» 1838 г., № 32.

(1) Что цѣль уніи была чисто политическая, а не религіозная, это ясно открывается изъ манифеста Сигизмунда III, отъ 24-го сент. 1595 г., въ коемъ король, приглашая своихъ подданныхъ къ принятію уніи, говоритъ: «Наше величайшее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы мы могли пребывать съ своими подданными въ единой вселенской Церкви, подъ однимъ истиннымъ пасторомъ, чтобы славить Бога едиными усты и единымъ сердцемъ, чтобы, пребывая въ такомъ соединеніи, по долгу христіанства, водворить въ народахъ одной и нераздѣльной рѣчи посполитой согласіе, единство и любовь, эти верховныя общія блага, и чтобы тѣмъ сохранить и укрѣпить цѣльность государственнаго союза. См. «Свѣдѣнія о началѣ Уніи», Статья Н. Иванничева. «Русская Бесѣда». 1838 г., № 3.

дѣла, во имя Юсафата, поставленъ въ немъ на престолѣ. Впрочемъ, при вскрытіи гроба, по случаю присоединенія уніатовъ къ православію, въ немъ, кромѣ клона волосъ и части облаченій, и слѣда мощей не оказалось, хотя базилианскіе монахи поддерживали въ легковѣрномъ народѣ молву о существованіи таковыхъ и о чудесахъ, имъ творимыхъ. Народъ, въ простотѣ сердца, вѣрилъ всеѣмъ этимъ нелѣпостямъ, не подозрѣвая даже и возможности подобнаго обмана, боготворилъ гонителя и притѣснителя истинной вѣры Христовой, созидалъ ему алтари и усердно молился предъ изображеніемъ мучителя отцовъ и дѣдовъ ихъ. Базилиане сочинили для этого особыя молитвы, въ коихъ называли Юсафата *непоколебимымъ соединенія столпомъ*.⁽¹⁾

Нечего, впрочемъ, удивляться поведенію въ этомъ случаѣ простаго и необразованнаго, по природѣ добраго и незлобиваго, народа, привыкшаго въ дѣлахъ религіи вѣрить наслово служителю алтаря и подобно вообще неразвитымъ людямъ, страстнаго почитателя всего, по его мнѣнію, чудеснаго, а такихъ вещей у невѣжества всегда очень много; но какъ объяснить поступокъ папы Урбана VIII, возводящаго въ святыя убійцу русской народности и православной Церкви за то лишь, что онъ подвергся, хотя, конечно, незаконной, въ смыслѣ юридическомъ, но справедливой, по сущности дѣла, мести народа, и въ то же время влагающаго въ руки короля мечъ и требующаго отъ него крови и слезъ несчастныхъ преступниковъ для утѣшенія духа праведника? Гдѣ же тутъ подражаніе ученію Господа нашего Иисуса Христа, повелѣвавшаго быть намъ, его послѣдователямъ, кроткими и смиренными и даже любить враговъ своихъ, какъ самихъ себя? Зачѣмъ же, послѣ этого кроваваго удовлетворенія Юсафата, возводить его въ святыя и награждать въиномъ мученичества? Гдѣ тутъ не только справедливость божественнаго правосудія, но даже здравая логика?

Вотъ слова изъ двухъ писемъ папы Урбана VIII къ королю Сигизмунду III, доказывающія взглядъ его на дѣло убіенія Юсафата жителями Витебска: « Кто дастъ источникъ слезъ очамъ нашимъ, чтобы
« мы могли оплакать жестокость схизматиковъ и смерть полотскаго
« архіепископа. Вотъ до чего дошла свирѣность нечестія, которое не
« насыщается плачемъ невинныхъ, а утоляетъ свою жажду развѣ
« только кровію священниковъ! Святой архіепископъ, почтенный не
« митрою только, но и добродѣтелями, убитъ въ собственномъ двор-
« цѣ преступнымъ и свирѣпымъ народомъ. *Вотъ ясное доказатель-*
« *ство мщенія Божія надъ тѣмъ народомъ!* Дѣло отвратительное
« для зрѣнія, жалостное для слуха! Слышали мы, что то тѣло,

(1) Въ часословѣ, изданномъ въ Почаевской лаврѣ въ 1861 году, подъ 16-мъ сентября, помѣщены тропарь и кондакъ Юсафату, названному блаженно-священно-мученикомъ, пострадавшимъ за соединеніе святыя Церкви.

« которое было храмомъ Св. Духа, влчили по стогнамъ города руки
« разсвирѣпѣвшихъ, и говорятъ, что дышавшіе злобою схизматики,
« по обычаю варваровъ, съ величайшимъ, свойственнымъ печеловѣ-
« ческой лютоги, поношеніемъ издѣвались надъ тѣмъ, кому должно
« думать, рукоплещущіе оигелы принесли вънецъ мученичества. Мы
« дѣйствительно думаемъ, что Церковь можетъ ублажать лучшаго
« изъ епископовъ за сію драгоценную смерть, за которую преимущест-
« венно дается небесное наслѣдіе. Но жестокость убійцы не должна
« остаться не наказанною. Тамъ, гдѣ столь жестокое злодѣяніе тре-
« буется бичей мщенія Божія, да проклятъ будетъ тотъ, кто удержитъ
« мечъ свой отъ крови. Итакъ, державный король, ты не долженъ удерж-
« жаться отъ меча и огня. Пусть ересь чувствуетъ, что жестокимъ
« преступникамъ нѣтъ пощады. Въ столь гнусномъ преступленіи
« строгость должна заступитъ мѣсто милосердія. Посему да отложитъ
« ваше величество всякое промедленіе и, воспламенившись благо-
« честивымъ негодованіемъ, да утѣшится слезами нечестивцевъ, на-
« казанныхъ за огорченіе религіи ».

Получивъ, вслѣдъ затѣмъ, отъ короля увѣдомленіе о совершеніи казни и наказаніи всего народонаселенія города Витебска, Урбанъ VIII отвѣчалъ: « Поистинѣ, не всегда слѣдуетъ попечителямъ общест-
« венной безопасности помышлять только о милосердіи, но иногда
« нужно употреблять и строгость; ибо наказанія нечестивыхъ сокру-
« шаютъ ихъ дерзость. Они злочестіе пьютъ какъ воду и утѣшаются
« не столько добычею, сколько преступленіемъ. Въ этихъ словахъ
« похвала вашему величеству, гнѣвъ котораго и правосудіе недавно
« испытали жестокіе убійцы полотскаго архіепископа. Ибо Витебскъ,
« который далъ примѣръ столь необычнаго преступленія, служитъ
« теперь доказательствомъ мщенія Божія и благочестія короля.
« Потому, что кто только вспомнитъ о преступленіи сего города, вѣрно,

«реканію. Не принимающихъ уніи, пишете дальше, нужно изгнать
 «изъ государства», и проч. Избави Богъ нашу отчизну отъ этого без-
 «разсудства! Давно уже въ нашихъ страпахъ водворилась римско-ка-
 «толическая вѣра, и пока она не имѣла подражательницы себѣ въ дѣлѣ
 «благочестія и подчиненія святому отцу (папѣ), до тѣхъ поръ слави-
 «лась своею любовію къ спокойствію, могуществомъ внутри и виѣ го-
 «сударства: но какъ только связалась съ какою-то сварливой и без-
 «покойною подругой, тернить, по ея милости, при всякомъ собраніи
 «народномъ, при всякомъ уѣздномъ засѣданіи, разные раздоры и на-
 «реканія. Лучше бы, кажется, было сдѣлать разрывъ съ этою неуго-
 «мошною союзницею, потому что мы никогда не видали въ нашей от-
 «чизнѣ такихъ нестроений, какія посѣяла среди насъ эта благовидная
 «унія. Христосъ не запечатывалъ и не запиралъ церквей^(*).
 «Имѣютъ они, говорите, достойныхъ священниковъ и проч. » Дай Богъ,
 «чтобъ ихъ было довольно! Этого мало, что вы сами хвалите ихъ; соб-
 «ственная похвала весьма подозрительна. Нужно, чтобъ повѣрные *ви-*
 «*дѣли добрыя дѣла ихъ и, прославляя Отца, иже на небесахъ,* послѣ-
 «довали бы стезямъ ихъ. Но я знаю, какихъ вы рукополагаете свя-
 «щенниковъ: такихъ, то есть, которые способны скорѣе разорить, не-
 «жели создать церковь (Христову). Отсюду слышится ропотъ, что у
 «васъ нѣтъ достойныхъ священниковъ, а больше слѣпыхъ. Невѣжест-
 «венные ваши пошны вводятъ въ пагубу и народъ. Отдавать, говорите,
 «церкви на поруганіе, и проч. Но печатать и запираеть церкви, глумиться
 «надъ кѣмъ-либо есть на столько же пагубный разрывъ братскаго еди-
 «номыслія и взаимнаго согласія. . . . Но укажите, ваше преосвященство,
 «кого вы приобрѣли, кого уловили такою суровостію вашею, строго-
 «стію, печатаніемъ и запираніемъ церквей? Окажется, что въ (самомъ)
 «Полотскѣ вы потеряли и тѣхъ, которые (доселѣ) были вамъ послуш-
 «ны. Изъ овецъ вы превратили ихъ въ козлищъ, *поверли въ опас-*
 «*ность государство, а, можетъ быть, въ пошибель и всѣхъ насъ, като-*
 «*ликовъ.* Въмѣсто радости, пресловутая ваша унія падѣлала намъ толь-
 «ко хлопотъ, безпокойствъ, огорченій и доукъ. Вотъ плодъ вашей
 «пресловутой уніи! Сказать правду, *она приобрѣла извѣстность толь-*
 «*ко смутами и раздорами, которые произвела она въ народъ и цѣломъ*
 «*краѣ!* Если—избави Богъ—отчизна наша потрясется (вы своею сурово-
 «стію пролагаете къ тому торную дорогу), что тогда будетъ съ вашей
 «уніею? Покрайней мѣрѣ, пишете вы, я получилъ въ этомъ дѣлѣ пред-
 «писаніе верховнаго пастыря или его намѣстника », и проч. Противиться
 «верховному пастырю есть проклятое искушеніе; но я увѣренъ, что ес-
 «ли бы св. отецъ (папа) зналъ всѣ тѣ смуты, какія породила ваша унія
 «въ нашей отчизнѣ, онъ позволилъ бы все, чему вы такъ упорно про-

(*) Точки эти и другія слишкомъ многозначительны; подъ ними скрываются такіе ужасы, коихъ не рѣшился изобразить въ письмѣ своемъ даже правдивый Санкта.

вали себя въ то время неуніаты, почему и было, между прочимъ, постановлено: чтобы въ полотской епархіи, къ коей принадлежалъ и Витебскъ, быть двумъ архіереямъ: для уніатовъ — архіепископу полотскому, а для благочестивыхъ — епископу могилевскому; кромѣ того, предоставлялось всякому живущему въ епархіи уніатскаго епископа и не желающему принять уніи переселиться въ епископію православную и обратно.

Въ 1649 году, послѣ неоднократнаго пораженія польскихъ войскъ гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, король Янъ — Казиміръ, Зборовскимъ, мирнымъ договоромъ, обязался унію въ Польшѣ и во всемъ княжествѣ Литовскомъ искоренить. Вслѣдъ затѣмъ было постановлено: захваченную уніатами витебскую епархію подчинить митрополиту кievскому и возвратить православнымъ отобранную у нихъ церковь св. Благовѣщенія, въ нижней крѣпости находившуюся. Но все эти обѣщанія и уступки были сдѣланы только на словахъ, какъ это видно изъ жалобы царю Алексѣю Михайловичу Полотскаго Воскресенскаго монастыря игумена Анфиногена Крыжановскаго. Съ этого времени русскіе государи начали обращать вниманіе на судьбу состоявшаго въ подданствѣ польскаго короля народа русскаго; но и справедливое вмѣшательство ихъ принесло мало пользы. Такъ, въ 1660 г., царь Алексѣй Михайловичъ тщетно домогался отъ Польши уничтоженія уніи; ту же участь имѣло и требованіе Петра Великаго, невзирая даже на оказанное имъ покровительство королю Августу II, при возведеніи его на престоль, и на обращеніе государя этого къ содѣйствию папы. И только усилія мудрой Екатерины II, при вызванномъ ею участіи Швеціи, Пруссіи, Даніи и Англіи, заставили, въ 1768 году, уравниять права неуніатовъ и прекратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить гоненіе ихъ. По присоединеніи же, 13-го сентября 1772 г., въ вѣчное Россіи владѣніе, остатка польской Лифляндіи съ Полотскимъ и Витебскимъ воеводствами, религіозная судьба Витебска тѣсно связалась съ исторіей имперіи вообще и бѣлорусскаго края въ особенности. Судьба эта весьма отрадна.

Еще при жизни императрицы Екатерины II, въ разныхъ провинціяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, обратилось къ православію, безъ малѣйшаго со стороны правительства побужденія, болѣе милліона людей, въ томъ числѣ въ двухъ бѣлорусскихъ губерніяхъ: Витебской и Могилевской, въ промежутокъ времени между 1794 и 1796 годами, 414, 719 душъ⁽¹⁾; но Витебскъ все еще оставался въ уніи, и положеніе горсти жившихъ въ немъ православныхъ было самое безотрадное. Вотъ что находимъ мы объ этомъ въ письмѣ перваго ревнителя о созданіи въ Витебскѣ православнаго собора, священника

(1) См. грамату Аввасія, епископа могилевскаго и полотскаго, 1795 г.

Іоанна Сырохнова, къ бѣлорусскому епископу Вольховскому, отъ 5-го іюля 1797: «Истинно приверженный христіанинъ къ вѣрѣ православно-греческой, съ каковымъ душевнымъ прискорбіемъ долженъ видѣть отправляемое здѣсь, въ городѣ Витебскѣ, духовенствомъ и разнаго званія жителей богослуженіе римской и находящейся съ нею въ униіи церквей, вообразивъ, что древній городъ сей, принадлежащій отъ вѣковъ Россіи, исповѣдалъ всегда вѣру благочестивую греческую, но, по несчастному жребію, доставшійся во владѣніе бывшаго королевства Польскаго, разными способами, а наиболѣе подвизавшійся тогда здѣсь полотскій архіепископъ униатъ Іосафатъ Кунцевичъ рачительно старался обратить благочестивыхъ въ унию съ римлянами. Но истинную и непорочную вѣру греческой Церкви неповѣдующіе граждане Витебска не только отвергли его усиленныя старанія, но, ревнуя ко благочестію, въ 1623 году лишили его жизни, за такую противную благочестивой Церкви проповѣдь. Сей случай былъ тогда елеемъ къ погашенію пламени, ибо съ того времени, всѣ, безъ изъятія, страхомъ, насиліемъ и лестию отторгнуты отъ греческой и присоединены къ Римской Церкви. Но всеблагій Богъ, когда распростеръ милосердную Свою десницу надъ сынами имперіи Россійской и когда достояніе Россіи обращено въ вѣдро ея, тогда обстоятельства и нужда позволили многимъ разнаго званія благочестивымъ христіанамъ имѣть свое несходное пребываніе въ городѣ Витебскѣ, въ коемъ довольное время съ прискорбіемъ живя, претерпѣвали отъ жителей укоризны, будучи лишены надежнѣйшаго пристанища, не имѣя въ городѣ молитвеннаго храма, единаго въ нуждахъ своихъ утѣшенія. Тутъ вседѣйствующій промысль подѣйствовалъ въ сердцѣ почтеннѣйшаго и истощающаго силы своя на твореніе своему ближнему благодѣяніи витебскаго коменданта графа Миниха: онъ, таковую ощутительную крайность видя, своимъ стараніемъ, въ 1779 году, соорудилъ деревянный храмъ чудотворца Николая и, съ пособіемъ гарнизона, въ командѣ его находящагося, содержалъ и содержитъ священника и одного причетника. Я, при той церкви находясь священно служителемъ, исправляю всѣ нужды надъ небольшимъ числомъ бывшихъ доселѣ здѣсь жителей греко-россійскаго закона; но въ настоящее время, по волѣ мудраго и милосерднаго монарха нашего, удостоенъ городъ Витебскъ именоваться губернскимъ городомъ всей Бѣлоруссіи; то къ помѣщенію собирающагося на богослуженіе почтеннѣйшаго общества не имѣетъ та церковь довольноаго пространства, а мнѣ одному исполнять должность священника недостаетъ ни силъ, ни времени..... во уваженіе таковыхъ причинъ и къ крайней необходимости, настоящая есть нужда имѣть соборную церковь и при ней положить, какъ для отправленія всѣдневнаго священно служенія, такъ и для исправленія требъ, въ гарнизонѣ, въ штатной ротѣ, въ домѣ правителя губерніи и другихъ чиновниковъ, ихъ дворовыхъ людяхъ, при-

казныхъ служителяхъ и двѣнадцати мѣщанскихъ домахъ, по назначенію вашего преосвященства, къ достаточному исполненію всѣхъ требъ церковныхъ, одного протоіерея, двухъ священниковъ, діакона, трехъ церковниковъ, двухъ звонарей и просфорню». ⁽¹⁾

Наконецъ радостный для Витебска часъ насталъ. Въ 1831 году русское правительство признало необходимымъ рѣшительно приступить къ возвращенію въ нѣдра православной Церкви отторженныхъ отъ нея насиліемъ чадъ. Для совершенія этого святаго дѣла, оно не обратилось къ тѣмъ, возмущающимъ душу, средствамъ, какими были оторваны отъ православія милліоны сыновъ его, а къ кротости, терпѣнію и благодушію, избравъ орудіемъ своимъ самихъ епископовъ уніятской Церкви. Руководимые мужествомъ монарха и слѣдуя неуклонно святому призванію своему, въ томъ же духѣ кротости и любви, семь лѣтъ приготовляли они паствы свои, въ десяти губерніяхъ имперіи, къ духовному ихъ преобразованію и соединенію съ православною Церковію; потомъ, съ высшимъ своимъ духовенствомъ, собранные благодатию Св. Духа въ г. Полотскѣ (Витебской губерніи) ко храму Премудрости, принесли въ немъ соборно, въ недѣлю православія, прошеніе къ Духу свѣта и разума, составили и подписали достопамятный актъ воссоединенія. ⁽²⁾

Императоръ Николай, получивъ объ этомъ докладъ Св. Синода и прошенія греко-уніятскихъ епископовъ: — Юсифа литовскаго, Василя оршанскаго и Антонія брестскаго, съ соборнымъ актомъ о присоединенія ихъ съ паствами къ православію, на докладъ написалъ: «Благодарю Бога и принимаю». А 10-го мая 1839 года совершилось въ Витебскѣ и самое торжество этого воссоединенія. Вотъ какъ описалъ его одинъ изъ очевидцевъ:

«10-го мая сего года, въ 10 часовъ утра, митрополитъ (Филаретъ Кіевскій) прибылъ изъ Маркова монастыря въ сопровожденіи многочисленнаго народа, при колокольномъ звонѣ, въ православный Витебскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ обѣихъ епархій могилевской и полотской), генераль-губернаторомъ и всѣми военными и гражданскими чинами, въ парадныхъ мундирахъ. При богослуженіи, въ коемъ участвовали оба епископа: Исидоръ полотскій (нынѣ митрополитъ с.-петербургскій) и Василій Оршанскій (нынѣ архіепископъ»

⁽¹⁾ См. дѣло о Витебскомъ соборѣ, подъ № 1, хранящееся въ Успенскомъ соборѣ этого города. Высочайшимъ указомъ императора Павла I, отъ 18-го іюля 1799 г., повелѣно Успенскую церковь Базиліанскаго монастыря обратить въ православный соборъ; небольшое же число монаховъ изъ того монастыря переведено въ Петропавловскую зарѣченскую церковь.

⁽²⁾ См. «Слово въ недѣлю православія» архіепископа полотскаго и витебскаго Василя, бывшаго ревностнымъ дѣятелемъ воссоединенія Уніи къ православію. С. Петербургъ 1861 года.

скоиъ полотскій и витебскій), и по четыре священника изъ каждой епархіи, во храмъ было до 1,500 человекъ разнаго сословія людей. Во время большаго входа дискось принималъ митрополитъ, а потиръ епископъ оршанскій. По окончаніи литургіи, соборный протоіерей прочиталъ съ амвона указъ Святѣйшаго Синода, котораго чтеніе заключено было собственными словами Государя Императора: «Благодарю Бога и принимаю!»! Послѣ сего провозглашено многолѣтіе Государю и Августѣйшей Фамиліи, Святѣйшему Синоду вмѣстѣ съ патріархами, чтобы доказать общеніе ваше съ первенствующею восточною Церковію и опровергнуть тѣмъ лжетолкованія римскаго духовенства, будто бы руссiйская церковь отдѣлилась отъ патріарховъ и составила расколь, и проч. Успѣхъ сего служенія и польза, которую оно принесло, превзошло всякое ожиданіе. Народъ показалъ такое усердіе, что митрополитъ еще долго оставался въ соборѣ для благословеній. Потомъ онъ изволилъ проѣхать, по предварительному приглашенію губернскаго предводителя, въ дворянскій домъ, а за нимъ и все бывшее въ городѣ духовенство. Тутъ представлялись ему всѣ чиновники, безъ различія исповѣданій, а градское общество поднесло хлѣбъ и соль, прося покорнѣе служить на другой день въ Петропавловской церкви, какъ въ обширнѣйшей изъ приходскихъ.

«15-го числа митрополитъ прибылъ въ Петропавловскую церковь, въ 10 часовъ. Храмъ Божій былъ совершенно полонъ, и вокругъ него до 3,000 человекъ, частью пришедшихъ, по слухамъ, изъ деревень. Генералъ-губернаторъ и чиновники, всѣ въ мундирахъ, прибыли въ церковь по собственному произволу. Едва вышелъ митрополитъ изъ кареты, какъ народъ бросился за благословленіемъ. У крыльца встрѣтили его, по какому-то старинному обычаю, почетные граждане съ горящими свѣчами; а потомъ духовенство. Литургія совершалась тѣмъ же порядкомъ; только къ молебну облачились всѣ священники, какъ городскіе, такъ и нѣкоторые прибывшіе, по собственной волѣ, изъ деревень бѣлорусской епархіи. По окончаніи молебнаго пѣнія, градской голова просилъ митрополита и всѣхъ посѣтить домъ его; но стеченіе народа было такъ велико, и усердіе столь искренне, что владыка не могъ сѣсть въ карету и принужденъ былъ до самаго дома головы идти пѣшкомъ, благословляя народъ, — и это продолжалось болѣе получаса и было въ высшей степени торжественно и радостно. Вошедши въ домъ, митрополитъ благословилъ градское общество образомъ Спасителя, что было принято съ такимъ чувствомъ, что многихъ видѣли даже въ слезахъ. Послѣ того, какъ духовенство и всѣ высшія гражданскія лица разъѣхались, граждане, оставшіеся одни, позвали пѣвчихъ и, вмѣстѣ съ ними, пѣли разныя молитвы, многолѣтіе государю, *Боже, Царя храни* и проч., а потомъ возникъ у нихъ жаркій споръ, кто долженъ владѣть иконою и кто имѣеть право украсить ее окладомъ. Кажется, рѣшились по-

ставить ее въ градской думѣ, съ приличною надписью и украшеніемъ. Послѣ объѣда, и римское духовенство, увлеченное общимъ стремленіемъ, явилось къ митрополиту за благословленіемъ, даже маріавитки; а по случаю маленькой ярмарки около монастыря (Маркова, близъ Витебска), народъ весь вечеръ ликовалъ тамъ съ сельскими жителями.

«Такъ прошли эти достопамятные два дня, осуществившіе, смѣю сказать, на самомъ дѣлѣ великую мысль царя и Св. Синода.»⁽¹⁾

Въ память этого знаменитаго событія, по волѣ Императора Николая I, выбита большая серебряная медаль, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ образа Спаса нерукотвореннаго; вверху и по сторонамъ надпись: *Такова има мы первосвященника. Евр. VIII, I, а внизу: отторгнутые насиліемъ (1696), возсоединены любовію (1839)*. На оборотной сторонѣ, представленъ крестъ въ сіяніи, а по сторонамъ его надпись: *торжество православія 25-го марта 1839.*

Въ противоположность этому, папа Григорій XVI оставилъ потомству письменный памятникъ скорби своей о потерѣ духовнаго владычества надъ Бѣлоруссіею и Литвою. Въ своей рѣчи, произнесенной въ тайной консисторіи 22-го ноября 1839 года⁽²⁾, онъ восклицаетъ: «О, горестная и несчастная превратность вещей! Вотъ событіе, братіе, достопочтенные, которое поставляетъ насъ въ тяжкое недоумѣніе и заботливость! Къ горестямъ, отсюду на насъ находящимъ, надлежало присовокупиться еще и сему событію, которое выразить можно больше слезами, нежели словами. Изъ столь лютой язвы, нанесенной римской Церкви, вы усматриваете, каково теперь намъ и какою внутри скорбію мы снѣдаемся!»

Любопытно также видѣть, какъ объяснялъ папа ходъ возсоединенія уній. Вотъ слова его, заимствованныя нами изъ окружнаго посланія Михаила Левицкаго, митрополита русскихъ уніатовъ, архіепископа Львовскаго, епископа каменецкаго: «несправедливое это предпріятіе ведено было такъ, что, введши сначала хитрымъ образомъ, при совершеніи священнодѣйствій, книги, полученные отъ греко-россіанъ, извратили этимъ на свой ладъ почти всю внѣшность богослуженія; такимъ образомъ, невѣжественная чернь, соблазняясь сходствомъ обрядовъ, болѣе и болѣе приходившимъ въ силу, невольно уклонялась въ схизму. Затѣмъ, по особому повелѣнію, созваны были многіе приходскіе священники, которымъ тотчасъ же даны были предписанія, которыми, между безстыдными лжами, требовалось, дабы всякій присоединеніе свое къ грекороссійской Церкви засвидѣтельствовалъ по изложенной для сего формѣ. Таковыя предписанія

—(1) Описаніе это мы заимствовали изъ февральской книжки «Странника» за 1863 годъ.

—(2) «Сѣверная Пчела, 1840 года».

были единодушно отвергнуты, на томъ основаніи, что это лишаетъ ихъ (т. е. священниковъ) приходовъ и подвергаетъ несомнѣнной ответственности какъ ихъ, такъ и прочихъ клириковъ, увлеченныхъ ихъ примѣромъ, предъ высшимъ судилищемъ. Впрочемъ, послѣ нѣкоторыхъ употребленныхъ противъ нихъ хитростей (*machinationes*), они дошли до такого развращенія, что не устыдились публично изъявить желаніе присоединиться къ означенной Церкви и, кромѣ того, отъ имени подчиненной имъ паствы, взойти прошеніемъ къ Императору о позволеніи касательно своего присоединенія. Успѣхъ соответствовалъ ихъ желаніямъ. Опрежденіями схизматическаго синода, находящагося въ Петербургѣ, формально утвержденными, рѣшено и торжественно отпраздновано было присоединеніе къ Церкви греческой русскихъ епископовъ, клира и народа, дотолѣ принадлежавшихъ церкви Римской» (1).

Послѣ всего нами сказаннаго, нѣтъ надобности возражать противъ столь очевидной лжи. Извращеніе хода и значенія событій для фанатиковъ запада — вещь самая обыкновенная; въ настоящемъ же случаѣ дѣйствія ихъ были гораздо хуже, какъ сейчасъ увидимъ, но для этого мы должны возвратиться нѣсколько назадъ.

Еще при самомъ началѣ приведенія въ постепенное, но дѣйствительное исполненіе давно желаемаго правительствомъ и народомъ возвращенія въ лоно православной Церкви отторгнутыхъ унией чадъ ея, католики и, въ особенности, духовенство ихъ начали тайно противодѣйствовать тому всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами: увѣщаніемъ, порицаніемъ и насмѣшкой, нерѣдко распуская въ народѣ разные нелѣпыя толки и поселая между униятами несогласіе и ссоры. Къ числу этихъ мѣръ принадлежатъ также и распущенные католиками толки о вышльвшемъ будто бы въ Витебскѣ изъ р. Западной Двины камень, съ изображеніемъ на немъ Юсафата. Обстоятельства этого случая, какъ видно изъ донесенія бывшаго витебскимъ соборнымъ протоіереемъ и благочиннымъ — Ремезова — преосвященному Исидору, епископу полотскому и витебскому и прочей, по тому же предмету, переписки и собранныхъ нами на мѣстѣ свѣдѣній, — таковы:

Въ первыхъ числахъ мая 1838 года, неизвѣстно кто, распространилъ между жителями предмѣстія Витебска Песковатика слухъ, что будто бы выплылъ изъ Двины камень, на которомъ видна *толь Юсафата*; что чудо это совершенно убитымъ за соединеніе вѣры и брошеннымъ въ рѣку архіепископомъ, для того, чтобы увѣрить колеблящихся униатовъ въ святости и твердости вѣры ихъ (2), и что явившійся

(1) «Домашняя Бесѣда. 1863 г. Выпускъ 31.»

(2) Въ донесеніи Святѣйшему Синоду епископа полотскаго и витебскаго, отъ 1 июля 1838 г., за № 33, сказано:..... «Униаты начали уже при томъ камнѣ совершать

камень есть только увеличившійся сростокъ тѣхъ камней, кои были привязаны рыбаками къ ногамъ и шеѣ Иосафата предъ опущеніемъ тѣла его въ воду, что, какъ извѣстно, случилось напротивъ предмѣстія Песковатика. Камень, на который указывала народная молва, оказался лежащимъ, какъ и нынѣ, въ разстояніи около версты отъ р. Двины и почти въ такомъ же отъ предмѣстія, на нѣкоторой возвышенности, до которой воды, въ самые большіе разливы, никогда не доходили, да и по свойству здѣшнихъ высокихъ береговъ дойти не могутъ. На камнѣ этомъ, при сильно возбужденномъ воображеніи, а въ особенности при предварительномъ объясненіи всего вышепріизложеннаго, можно усмотрѣть подобіе человѣческой фигуры, въ сидячемъ положеніи, и какъ бы въ архіерейскомъ облаченіи, но до того однакожь грубое, что, повторяю, нужно быть непременно о существованіи его предупрежденнымъ, чтобы замѣтить. Изображеніе это, происходящее отъ случайнаго расположенія кристалловъ гранитнаго валуна, далеко не имѣетъ той правильности и отчетливости рисунка, какія нерѣдко встрѣчаются въ агатахъ, сердоликахъ, халцедонахъ и другихъ камняхъ, не говоря уже о фантастическихъ формахъ различныхъ известковыхъ породъ; оно не можетъ даже сравниться съ грубыми изображеніями, такъ называемыми въ Украинѣ, *каменными бабами*. Словомъ, найти въ этомъ случайномъ расположеніи кристалловъ гранитнаго обломка изображеніе, или, какъ называетъ народъ, тѣнь человѣка, да еще притомъ извѣстнаго, именно архіепископа Иосафата, могъ только невѣжественный, обладающій въ высшей степени возбужденнымъ воображеніемъ и распаленный религіознымъ фанатизмомъ, народъ. Любопытно и поучительно видѣть, какъ въ первые дни открытія этаго камня найденное на немъ изображеніе представлялось людямъ разныхъ степеней образованія, религіи и положеній. Вотъ что мы нашли по этому предмету въ официальной перепискѣ. Протоіерей Ремезовъ, въ первоначальномъ рапортѣ своемъ, отъ 29-го мая, за № 131, къ преосвященному епископу полотскому и витебскому, сказалъ: *«въ отколотой части камня виднѣется сердцевина кремнистаго слоеваго свойства, слои коей изображаютъ нѣкоторое подобіе нижней части какъ бы сидящаго человѣка на камнѣ, въ верхней части коего отражается какая-то уродливая полоса, похожая на руку, какъ бы*

акафисты и кановы и, по частнымъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, распускаютъ молву, будто бы Иосафатъ явился для удостовѣренія уніатовъ, что вѣра ихъ тверда какъ камень и будто русское духовенство домогается скрыть сей чудесный камень». А изъ донесенія протоіеря Ремезова, отъ 8-го іюля, видно:... «что толки эти распускаетъ не червь народная, а католики, преимущественнѣе всего по уѣздамъ, и что стеченіе народа преимущественно увеличилось по случаю католическаго праздника Божьяго Тѣла».

благословляющую, и оканчивается вся эта полоса вверх острымъ угломъ конуса». Во второмъ же донесеніи его, отъ 8-го іюня, за № 144, мы читаемъ уже слѣдующее: «Осмотрѣвъ въ зрительную трубу прописанный камень, я нахожу изображеніе на немъ довольно любопытнымъ; изображеніе архіерея довольно ясно; ростомъ все это изображеніе 3 четверти аршина; борода длинноватая съдая. Невѣроятно полагать никакого мнѣнія касательно онаго камня».... Въ отзывѣ витебской городской полиціи къ этому протоіерею, отъ 29 мая, сказано: «Камень, на которомъ яко бы есть примѣтное изображеніе архіерея, состоитъ не въ вѣдѣніи полиціи». Земскій же судъ отзывался, что «камень, состоящій на землѣ помѣщика Линькевича, ничею особаго въ себѣ не заключаетъ». Наконецъ, въ отзывѣ Бѣлорусской греко-уніятской духовной консисторіи, отъ 6-го іюня, за № 3, 963, находимъ такое выраженіе.... «Камень, съ которымъ на поверхности его изображеніемъ примѣтъ всею корпуса человека, почитаемого во святыхъ». Что касается народныхъ толковъ по этому предмету, то они сначала, по крайней мѣрѣ, по словамъ перваго донесенія покойнаго протоіерея Ремезова, были еще менѣ между собою согласны: такъ, одни увѣряли, что на камнѣ представлено изображеніе Спасителя, другіе — что образъ святителя Николая; католики и уніаты узнавали въ изображеніи — архіепископа Юсафата, а евреи увѣряли, что это ихъ Мессія. И все это дѣлалось въ 1838 году, т. е. только 26 лѣтъ тому назадъ! Не доказываетъ ли случай этотъ, что наши народныя массы все еще представляютъ поразительные примѣры самаго чудовищнаго невѣжества; что естественнѣдѣніе, это мать всѣхъ наукъ, ведущая, по словамъ знаменитаго Либиха, къ уразумѣнію истиннаго Бога, не только невѣдома для низшихъ слоевъ народа русскаго, но мало знакома даже и высшимъ: иначе какъ могли родиться всѣ эти толки, приведшіе христіанскій народъ къ языческому обожанію камня? Но прослѣдимъ этотъ любопытный случай до конца. Черезъ два или три дня по открытіи на камнѣ сказаннаго изображенія, кто-то изъ жителей Песковатика, по имени Тимофей, какъ называетъ его свѣжее преданіе, видѣлъ во снѣ Юсафата, приказывающаго ему отправиться въ ближайшую деревню и тамъ, въ клети одного изъ крестьянъ, взять принадлежащія архіепископу подсвѣчники. Тимофей, рассказавъ объ этомъ пономарю Троицкой, въ то время уніятской, приходской церкви, отправляется къ открытому ему во снѣ крестьянину и, принеся взятые будто бы у него старыя деревянные подсвѣчники, ставитъ ихъ предъ камнемъ съ зажженными свѣчами. Съ этой минуты многочисленныя толпы почитателей Юсафата, преимущественно изъ католиковъ и уніатовъ, начинаютъ стекаться даже изъ отдаленныхъ уѣздовъ, чтобы поклониться воображаемому чудотворному изображенію архіепископа. Въ числѣ первыхъ приходятъ монахи Витеб-

скаго Маріявитакаго монастыря. Примѣръ ихъ увлекаетъ тысячи легковѣрныхъ невѣждъ, почитателей всего чудеснаго. Наконецъ дѣло дошло до сбора денегъ на сооруженіе храма, служенія молебновъ и акфистовъ и до выемки изъ-подъ камня, для ношенія въ ладонкахъ на шеѣ землей, это производилось съ такимъ усердіемъ, что камень, находившійся надъ верхнимъ краемъ рывины, скоро упалъ на дно ея; но обстоятельство это не смутило ревностныхъ читателей Иосафата: камень поставленъ изображеніемъ кверху; молебны и акафисты, невзирая на увѣщанія православнаго духовенства, продолжались еще нѣсколько недѣль, пока мало по малу народъ убѣдился въ обманъ и разузналъ хорошенько цѣль его. Однакожь только 11-го апрѣля 1839 г., послѣдовало отъ мѣстнаго епископа довѣсеніе Св. Правительствующему Синоду о прекращеніи стеченія народа къ камню, близъ Витебска находящемуся, съ темнымъ изображеніемъ будто сидящаго человѣка.

Такъ кончилась послѣдняя попытка католической партіи помѣшать дѣлу воссоединенія униатовъ къ православію! Памятникомъ неудачи ея остался тотъ же прославленный ею камень, получившій отъ народа названіе *Иосафата*.

Чтобы закончить предложенный читателямъ, въ этой главѣ, историческій очеркъ религиозныхъ судебъ Витебска, намъ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о нынѣшнемъ состояніи въ этомъ городѣ православія, какъ господствующаго вѣроисповѣданія, представителями коего, по числу, являются воссоединенные изъ униі; но мы не позволяемъ себѣ коснуться этаго важнаго предмета, ибо, говоря откровенно, еще мало знакомы съ нимъ, а потому заключимъ эту главу искренними словами нашего достопочтеннаго архимонастыря, архіепископа полотскаго и витебскаго Василія, произнесенными имъ въ 1861 году, въ недѣлю православія. Вотъ они: «Къ несчастію, въ нынѣшнее время прогресса, по причинѣ возникшихъ вопросовъ въ жизни народа, вину во всѣхъ язвахъ, во всѣхъ ранахъ стали вмѣнять духовенству; не пощажена и совѣсть юныхъ чадъ православія воссоединенныхъ, которымъ въ укоръ стали ставить св. дѣло воссоединенія, такъ что названіе воссоединеннаго сдѣлалось равносильно названію неправославнаго. Такимъ образомъ, возникло общественное мнѣніе, которое можно раздѣлить на двѣ категоріи. И вотъ одни, увлекаясь поверхностнымъ взглядомъ, не принимая во вниманіе того, что, дабы перевоспитать народъ, изгладить національныя разности, выработанныя вѣками, нужно время и время, повсюду обвиняютъ насъ въ недостаткѣ убѣжденія въ православіи, вмѣняя всѣ нестройенія народной жизни намъ въ укоръ, какъ будто бы мы были виною всему этому; всюду клеветуютъ, оскорбляя и понося насъ. Поэтому, сколькими желчными своими внушеніями, по предубѣжденію, осаждаютъ они многихъ другихъ, не имѣющихъ довольно предусмотрѣ-

тельности и твердости духа, чтобы не дозволить вовлечь себя въ неблагопріятное мнѣніе о воссоединенномъ народѣ и его пастыряхъ! Сколькими же поэтому поражаемся мы ударами передаваемой изъ устъ въ уста молвы! Ко второй категоріи причисляются всѣ поверхностно понимающіе православіе, которые, по своимъ народнымъ предразсудкамъ, не желая различать существеннаго въ вѣрѣ, считаютъ важнѣйшимъ внѣшнее, обрядовое. И вотъ многіе православные христіане, не находя въ здѣшнемъ краѣ того, что видѣли въ своей сторонѣ: тотъ въ Рязани, а другой въ Калугѣ или Орлѣ, тотъ во Владимірѣ или Казани, а другой въ Тулѣ или Харьковѣ, или еще гдѣ-нибудь, изъ-за обрядовыхъ разностей, неизбежныхъ во всякой помѣстной церкви, которымъ заповѣдуетъ Церковь являть апостольское снисхожденіе, лишь бы онѣ не нарушали единства вѣры, возгораются ревностію къ православію не по разуму, какъ говоритъ апостоль, и, въ порывахъ предзанятыхъ взглядовъ, не затрудняются возмущать совѣсть и, такимъ образомъ, производятъ въ убѣжденіи народа реакцію и колебаніе своею клеветою, хулою поношенію чести и вѣры единовѣрныхъ и одноплеменныхъ себѣ, отъ которыхъ и раздается повсюду укоризненный голосъ».

ГЛАВА II.

О политической жизни Витебска вообще. — Бракъ великаго князя Владиміра съ Рогнедой, княжной полотской. — Ярославъ Владиміровичъ отдаетъ Витебскъ Брячиславу Изяславичу. — Витебскъ достается въ удѣлъ Давиду Всеславичу. — Княжество Витебское подъ властію Брячислава. — Князь Александръ Невскій гоститъ въ Витебскѣ. — Витебскъ подъ властію Константина Вячиславича и Ярослава Васильевича. — Витебскъ подъ властію Литвы. — Судьба его при Ольгердѣ, Свидригайлѣ и Витовтѣ. — Умерщвленіе въ Витебскѣ князя ольшанскаго и смоленскаго митрополита Герасима. — Витебскъ подъ властію королевича Казиміра. — Посѣщеніе Витебска особами русскихъ великокняжескихъ домовъ. — Витебскъ въ осадѣ. — Сожженіе его русскими. — Грамота Сигизмунда I. — Неоднократныя опустошенія Витебска. — Сигизмундъ III даетъ городу гербъ и магдебургское право. — Уничтоженіе и возвращеніе его и другихъ правъ города. — Беспорядки въ Витебскѣ во время войны Польши съ Россіей. — Витебскъ завоевывается Россіей и снова возвращается Польшѣ. — Судьба Витебска при Августѣ II. — Пребываніе Петра I въ Полотскѣ. — Сожженіе имъ Витебска. — Колоколь, какъ памятникъ пожара. — Неурядица въ Польшѣ при Станиславѣ-Августѣ. — Раздѣленіе Польши и присоединеніе къ Россіи Витебска. — Судьба Витебска до назначенія его губернскимъ городомъ, и гербъ города. — Утвержденіе плана Витебска. — Городовое положеніе,

дарованное императрицею Екатериною II. — Подтверженіе правъ города императоромъ Александромъ I. — Постановленіе о городскихъ расходахъ. — Отмѣна литовскаго статута. — Подводная повинность. — Квартирная повинность. — Льготы. — Строительная часть.

Исторія политической жизни Витебска далеко не такъ любопытна и поучительна, какъ исторія религіозной, хотя обѣ онѣ тѣсно связаны между собою и часто объясняютъ одна другую; тѣмъ не менѣе, и въ политической жизни этого города встрѣчаются моменты замѣчательные и волюнѣ достойные памяти народной.

Витебскъ никогда не игралъ въ исторіи Бѣлоруссіи особо важной роли и всегда уступалъ первенство въ этомъ отношеніи Полотску; но это обстоятельство не даетъ право историкъ пройти молчаніемъ мнущія событія его жизни.

Мы уже замѣтили, въ предъидущей главѣ нашего очерка, что Витебскъ первый разъ является въ лѣтописяхъ подъ 1021 годомъ. Весьма вѣроятно, что въ первые годы своего существованія онъ, не составляя особаго удѣла, не входилъ также постоянно и въ составъ княжества Полотскаго, къ которому присоединенъ при Брячиславѣ Изяславичѣ. Это подтверждается слѣдующимъ фактомъ.

Великіе князья — кievскій Ярополкъ и новгородскій Владиміръ Святославичи, услышавъ о богатствѣ и красотѣ Рогнѣды, дочери полотскаго князя Рогвольда, пожелали вступить съ нею въ супружество и потому одновременно отправили пословъ искать ея руки. Прекрасная, но гордая Рогнѣда, зная, что Владиміръ былъ сынъ ключницы, великой княгини Ольги, бабки его, на предложеніе отца выбрать себя въ мужа одного изъ братьевъ, отвѣчала: « Не хочу разуть рабынича, за Ярополка иду! » Отвѣтъ этотъ сильно оскорбилъ Владиміра, и онъ поклялся, во что бы ни стало, овладѣть Рогнѣдой. Собравъ рать великую, Владиміръ напалъ на Полотскъ, взявъ его приступомъ, убилъ Рогвольда и двухъ его сыновей, захватилъ собиравшуюся въ Кіевъ Рогнѣду и сдѣлалъ ее своей женой, потомъ напалъ на брата своего Ярополка, убилъ также и его, завладѣлъ Кіевомъ и сѣлъ на великокняжескомъ престолѣ.

Скоро, однакожь, Рогнѣда перестала плѣнять женолюбиваго, но неостояннаго Владиміра, хотя сама полюбила его всѣмъ сердцемъ, забывъ даже совершенное имъ убійство отца и братьевъ ея. Чтобы избавиться отъ докучливой любви Рогнѣды, Владиміръ отправилъ ее на жительство въ нарочно выстроенный въ селѣ Лыбеди (близъ Кіева, на рѣчкѣ Лыбеди) дворецъ; но заточеніе это, усиливъ лишь ревность Рогнѣды, вызвало ее на мщеніе. Однажды великій князь пріѣхалъ на Лыбедь, чтобы провести тамъ нѣсколько пріятныхъ часовъ, прилежъ въ опочивальнѣ и уснулъ крѣпкимъ сномъ. Ревнивая Рогнѣда, пылая мщеніемъ за предпочтеніе ей другихъ женъ, схватила ножъ и, по-

дойдя къ ложу своего супруга, намѣревалась поразить его; но вдругъ Владиміръ проснулся, оттолкнулъ занесенный уже ножъ и повергъ испуганную Рогнѣду къ ногамъ своимъ. Въ первомъ порывѣ гнѣва, Владиміръ рѣшился было собственною рукою казнить преступную жену. Для этого, онъ велѣлъ ей украситься брачною одеждою и, сидя на богатомъ ложѣ въ своей свѣтлицѣ, ожидать смерти. Уже гнѣвный супругъ и судія вступилъ въ храмину Рогнѣды, какъ младенецъ Изяславъ, наученный матерью, подавъ великому князю мечъ, сказалъ: «родитель мой, здѣсь ты не одинъ: сынъ будетъ всему свидѣтель!» Эти простые слова младенца пробудили въ сердцѣ Владиміра угасшую любовь къ Рогнѣдѣ; онъ, бросивъ мечъ на землю, сказалъ: «кто зналъ, что ты здѣсь!» Затѣмъ, собравъ бояръ, потребовалъ совѣта—какъ поступить съ Рогнѣдой: бояре посовѣтывали великому князю простить ее ради младенца Изяслава и дать имъ въ удѣль бывшую область Рогвольда. Владиміръ принялъ совѣтъ бояръ, удалилъ отъ себя Рогнѣду и сына ея въ городъ Изяславъ, повелѣвъ построить имъ дворецъ, а умирая—назначилъ въ удѣль Изяславу Полотское княжество и Витебскъ.

По смерти Владиміра, племянникъ его Святополкъ, сынъ Ярополка, овладѣлъ было кievскимъ велико-княжескимъ престоломъ, но въ свою очередь, изгнанъ оттуда Ярославомъ, подчинившимъ себѣ и удѣлы убитыхъ Святополкомъ братьевъ его Бориса, Гдѣба и Олега.

Между тѣмъ, полотскій князь Брячиславъ Изяславичъ, негодуя на дядю своего Ярослава за то, что онъ, не выдѣливъ ему части изъ захваченныхъ имъ, послѣ убитыхъ дядей его, удѣловъ, во время поѣздки Ярополка въ Кіевъ, наналъ на Новгородъ, разграбилъ его, и, встрѣтясь на обратномъ пути съ великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, одержалъ надъ нимъ побѣду, захвативъ съ тѣмъ вмѣстѣ и супругу его. Эти обстоятельства заставили Ярослава помириться съ племянникомъ и отдать ему въ погостственное владѣніе Витьбескъ (Витебскъ) и Весьячь (м. Усвяты), съ принадлежащими къ нимъ волостями.

По смерти Ярослава и Брячислава, дѣти ихъ часто враждовали между собою изъ-за правъ на Полотское княжество, что продолжалось почти 70 лѣтъ. Обстоятельство это имѣло послѣдствіемъ сильное опустошеніе Полотскаго княжества, и нѣтъ сомнѣнія, что Витебскъ раздѣлялъ общую долю городовъ его. Наконецъ, по смерти Всеслава Брячиславича, Витебскъ достался въ удѣль третьему сыну его Давиду; Полотскъ же взялъ старшій братъ Борисъ, а Минскъ — Гдѣбъ. Такимъ образомъ, изъ одного княжества образовалось три, но все они состояли подъ верховною властію полотскаго князя.

Въ 1129 году, Мстиславъ Великій, князь кievскій, обвинивъ предъ народомъ полотскихъ князей въ томъ, что они отказались идти

вмѣстѣ съ нимъ воевать противъ общихъ враговъ половцевъ, позвалъ ихъ въ Кіевъ. Князья, склоняясь на просьбу народа, боявшагося послѣдствій гнѣва Мстислава, пріѣхали въ столицу. Тогда великій князь отправилъ всѣхъ ихъ въ Царьградъ, къ греческому императору, съ коимъ они, по случаю женитьбы сына императора Алексѣя Комнина на дочери Всеслава Брячиславича, состояли въ родствѣ. Такимъ образомъ, хотя не надолго, отчизна Всеслава перешла къ потомкамъ Ярослава. Въ 1132 году, по кончинѣ Мстислава, изгнанные князья полотскіе, возвратясь на родину, вступили въ свои права и, пользуясь смутами сосѣдственной съ княжествомъ полотскимъ Литвы, распространили предѣлы свои до Вильно, покоривъ также и латышей.

Верховный полотскій князь Брячиславъ, или Вячеславъ, соединяя, мало по малу, подъ свое непосредственное управленіе, удѣлы, сдѣлался наконецъ единственнымъ повелителемъ Бѣлоруссіи, состоящей изъ княжествъ полотскаго и витебскаго.

Въ 1238 году онъ выдалъ дочь свою Парасковію за новгородскаго князя Александра Невскаго. Въ 1245 году князь Александръ, пріѣхавъ за сыномъ своимъ, жившимъ у бабки его княгини Бѣлорусской (1), гостилъ въ Витебскѣ.

По смерти Вячеслава, владѣнія его вновь раздѣлились на два княжества: полотское подпало подъ власть литовскаго князя Товтивилла, витебское досталось сыну князя бѣлорусскаго Константину Вячеславичу, участвовавшему во взятіи новгородцами, тверичанами и полочанами Дерпта или Юрьева.

Послѣднимъ удѣльнымъ княземъ витебскимъ былъ Ярославъ Васильевичъ, выдавшій, въ 1318 году, единственную дочь свою Марію за литовскаго князя Ольгерда.

По смерти Ярослава Васильевича, послѣдовавшей въ 1320 году, витебское княжество наслѣдовала дочь его, и, такимъ образомъ, оно, послѣ двухсотлѣтняго управленія князьями русскими, присоединилось къ Литвѣ.

Ольгердъ, какъ мы замѣтили уже въ первой главѣ, украсилъ Витебскъ двумя православными храмами: церковію пресвятыя Богородицы, въ Нижнемъ Замкѣ, которую и нынѣ указываютъ, и Святодуховскою, на Заручьи. Вторая супруга Ольгерда, Уліанія Александровна, княжна тверская, сооружила церковь св. Іоанна Богослова и, кромѣ того, основала при Духовской церкви женскій монастырь, въ который сама поступила монахиней и тамъ же, по смерти, была погребена.

Въ 1335 году Витебскъ былъ опустошенъ страшнымъ пожаромъ (2).

(1) См. «Записки императрицы Екатерины II.»

(2) Изъ книги: Dzieje Polski za Władysława Jagielly i Władysława III.

По смерти Ольгерда, витебскимъ княжествомъ управляла вдовствовавшая княгиня Уліанія, а по кончинѣ ея оно досталось литовскому князю Ягелло, который поставилъ въ Витебскѣ своимъ намѣстникомъ ловчаго Ѳедора Весну.

Оскорбленный этимъ распоряженіемъ, братъ Ягеллы, Свидригайло, желавшій получить это княжество подъ свое управленіе, удалился къ ливонскимъ рыцарямъ, гдѣ, собравъ войско, внезапно, чрезъ лѣса, подошелъ къ Витебску, овладѣлъ имъ, захватилъ намѣстника Весну и сбросилъ его съ замковой стѣны въ Двину, гдѣ этотъ несчастный и утонулъ (1).

Разгнѣванный этимъ поступкомъ, Ягелло поручилъ своему дворянину брату храброму Витовту, или Витольду, взять Витебскъ. Мечь совершилась; но только польза отъ нея была не для Ягелло. Въ 1396 году началась осада города. Цѣлый мѣсяцъ Свидригайло съ усиліемъ отражалъ храбрыя дружины Витовта; наконецъ Нижній Замокъ города былъ взятъ. Отъ сильнаго дѣйствія орудій, поставленныхъ у Благовѣщенской церкви, пали и стѣны верхняго. Изнуренный голодомъ и продолжительною осадой, гарнизонъ взбунтовался и живымъ выдалъ побѣдителю своего князя Свидригайло, который и былъ отправленъ къ Ягелло. Витовтъ же, покорившій, кромѣ Свидригайло, князей Друцкихъ и взявшій Оршу, присоединилъ княжество витебское къ Литвѣ, которою владѣлъ до своей кончины, т. е. до 1431 года.

Витольдъ былъ князь неутомимо дѣятельный и храбрый до изступленія. Не разъ поражалъ онъ сосѣднихъ и дальнихъ князей русскихъ, невзирая на родство свое съ нѣкоторыми изъ нихъ, билъ татаръ и крестоносцевъ, много разъ угрожалъ Польшѣ и, рядомъ безпрестанныхъ войнъ и блистательныхъ побѣдъ, расширилъ свои владѣнія отъ границъ псковскихъ до Галиціи и Молдавіи и отъ береговъ Оки до Суды и Днѣпра.

Около 1426 года Витовтъ заключилъ съ князьями московскимъ, тверскимъ и рязанскимъ договоръ, соответствовавшій во всемъ его честолюбивымъ видамъ. Въ силу этого договора, князь московскій далъ слово, не помогать Новгороду и Пскову, а Тверскій и Рязанскій поклялись быть всегдашними союзниками Литвы и враговъ Витовта считать своими. Въ договорныхъ грамотахъ по этому случаю русскіе князья именовали храбраго Витовта своимъ *господиномъ*. Дѣйствительно, около этого времени, Витовтъ достигъ величайшей степени могущества, почему и началъ именоваться великимъ княземъ Литвы и Руси — *Supremus dux Lithuaniae et Russiae*. Но честолюбіе его этимъ не ограничилось. Витовтъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы

(1) Карамзинъ IV, примѣч. 328.

образовать изъ Литвы особое, самостоятельное королевство. Польскіе паны, боясь, чтобы Литва не взяла перевѣса надъ Польшей, открыто воспротивились замысламъ литовскаго князя. Самъ папа, принявъ сторону Польши, запретилъ ему думать о королевствѣ.

Витебское княжество постоянно раздѣляло бранные труды и славу Витовта. Въ здѣшнемъ народѣ сохранилось множество легендъ о походахъ страшныхъ дружинъ этого воинственнаго князя. Въ этихъ сказаніяхъ герой Литвы и Бѣлоруссіи возвышается до мифа. Намъ указывали въ Лепельскомъ уѣздѣ (Витебской губерніи) множество могилъ, какъ памятниковъ бранныхъ подвиговъ Витовта. Нѣкоторымъ изъ этихъ насыпей усвоено даже имя героя, которое, конечно, долго и долго еще не изгладится въ памяти народной.

Смерть Витовта, послѣдовавшая въ 1430 году, произвела въ Литвѣ безпокойства. Король Ягелло, въ католичествѣ Владиславъ II, несмотря на неспособность брата своего Свидригайла, назначилъ ему княжество Литовское; но безпокойный и неблагодарный Свидригайло, гнѣваясь за то, что князья Бучацкіе овладѣли Подоліей, схвативъ короля посреди свиты его, посадилъ въ тюрьму, а приближенныхъ разогналъ, нанеся имъ великія оскорбленія. Разгнѣванное такимъ поступкомъ Свидригайла, польское правительство погрозило Литвѣ войной, вслѣдствіе чего король былъ освобожденъ; но какъ вслѣдъ за освобожденіемъ онъ отдалъ великое княжество Литовское стародубскому князю Сигизмунду Кейстutowичу, брату Витовта, то и возгорѣлась война между симъ княземъ и Свидригайломъ.

Въ 1435 году Свидригайло направилъ свои дружины къ Витебску. Жители этого города, любя его болѣе, чѣмъ Сигизмунда, открыли ворота и приняли какъ своего князя; тѣмъ не менѣе, ожесточенный двукратнымъ изгнаніемъ, Свидригайло излилъ всю ярость своего гнѣва на приверженцахъ Сигизмунда—князь Симеонъ Ольшанскомъ и захваченномъ въ Смоленскѣ митрополитъ Герасимъ. Перваго онъ повелѣлъ утопить въ Двинѣ, а несчастнаго митрополита, послѣ четырехмѣсячнаго томленія въ крѣпости, публично сжегъ на одной изъ площадей Витебска. Это грустное событіе, къ всеобщей печали православныхъ жителей города, совершилось 26-го іюня того же 1435 года. Вотъ какъ записано оно у лѣтописца: «Того же лѣта, князь литовскій Ширдигело пойма митрополита Герасима въ г. Смоленскѣ, и окова тверды желѣзы, спровади въ Витебскъ, держа въ крѣпости 4 мѣсяца, созже огнемъ іюля 26-го за такую вину, что перевѣтъ на него держалъ къ князю Жигимонту, и выня у него грамоты переветныя»⁽¹⁾.

Въ свою очередь, Свидригайло потерпѣлъ поражение подъ Вилькомиромъ, и, потерявъ въ числѣ другихъ городовъ Витебскъ, уѣхалъ въ Москву.

(1) Карамз. Томъ V, Примѣч. 293.

Сынъ литовскаго князя Сигизмунда, Михайль, подойдя къ Витебску, и, не видя въ жителяхъ покорности его отцу, а равно, не будучи достаточно сильнымъ, чтобы взять замокъ приступомъ, держалъ городъ въ тѣсной осадѣ, около шести недѣль. Однакожь, на слѣдующій годъ, витебляне, потерявъ надежду на возвращеніе Свиригайлы, покорились Сигизмунду Кейстutowичу.

По убіеніи, по выраженію лѣтописца, «лютаго, немилостиваго и сребролюбиваго паче чловѣкъ» Сигизмунда Кейстutowича Александромъ Черторійскимъ и братомъ его Иваномъ, литовское княжество, помимо сына его Михаила, перешло подъ власть королевича Казиміра, сына польскаго короля Ягелло.

Въ 1440 году Казиміръ отдалъ въ удѣль новгородскому князю Юрію Семіоновичу свою вотчину Мстиславль и Кричевъ и много другихъ городовъ и областей; но не довольный этимъ даромъ, Юрій захватилъ было Смоленскъ, Полтескъ и Витепъскъ, но это оказалось «ему не полезно и людямъ на митезъ великъ и на брань, а потому той же осени убоався, видя свою дерзость, еже не разуміемъ сотвори, избѣже на Москву» (1).

Въ 1479 году, вслѣдствіе родственныхъ несогласій, поселились въ Витебскъ, съ дозволенія польскаго короля Казиміра, братья великаго князя московскаго Андрей и Борисъ Васильевичи.

Въ 1495 году, жители Витебска имѣли счастье принимать у себя извѣстную по своей высокой добродѣтели, дочь московскаго государя Юанна, княжну Елену Юанновну, вѣхавшую въ Вильно для вступленія въ супружество съ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ Казиміровичемъ. Не доѣзжая города двухъ верстъ, княжна была встрѣчена намѣстникомъ Витебска, княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Заславскимъ и всѣми жителями. Пѣшкомъ, до самаго города, провожали экипажъ ея боярскія дѣти. Отъ моста до монастыря архангела Михаила сопровождали Елену Юанновну князь Семень Ряполовскій и Михайль Русалка. Тутъ, у дверей храма, встрѣтилъ ее архимандритъ, съ прочимъ духовенствомъ, и княжна, принявъ его благословеніе, пришла въ отведенныя ей палаты.

Въ 1516 году, по случаю войны между Польшей и Россіей, русскія войска держали Витебскъ въ осадѣ; но крымскіе татары и мужественное сопротивленіе поляковъ привудили снять ее. (2).

Въ 1500 году, во время нашествія крымскаго хана Менгли-Гирея, Александръ, князь литовскій, значительно укрѣпилъ Витебскъ; но, спустя два года, русскіе выжгли его предмѣстье. Такое же опустошеніе повторилось и въ 1519 году, во время похода русскихъ на Литву.

Въ 1509 году, февраля 18-го, король Сигизмундъ I подтвер-

(1) См. «Первая новгородская лѣтопись.» Стр. 113. Изданіе 1841 г. Спб.

(2) См. «Исторію Польскаго государства.» Бантке. Спб. 1830 года.

диль всѣ права и вольности городу Витебску, предшественниками его данныя. Изъ копій жалованной по этому случаю грамоты, хранящейся въ архивѣ здѣшней городской думы, видно: что король отказывался отъ права на церковные доходы; городскіе жители избавлялись отъ подводной повинности; воспрещался судъ безъ опроса обвиняемаго, и въ то же время постановлялось: «*холопу и рабе веры не нять; а обиды и sprawy давати*»; разрѣшалось приносить жалобы королю; отмѣнялись, при имѣннй поручителей, употребленіе оковъ, конфискованіе имѣній, содержаніе подъ карауломъ и проч. Но витебляне, за льготы эти, обязаны были, въ случаѣ нужды, нести военную службу.

Витебскому воеводѣ не дозволялось ѣздить по волостямъ и во время охоты дѣлать поборы. Въ случаѣ покражи, воръ и его семейство отвѣчали обиженному всѣмъ своимъ имуществомъ, а при недостаткѣ таковаго, воръ отдавался въ полное распоряженіе окраденнаго имъ лица. Отмѣнялся сборъ въ пользу короны съ вѣсовъ и мѣръ, а виновные въ нарушеніи устава по сему предмету подвергались суду самихъ гражданъ. Относительно торговли воскомъ, сказано такъ: «*А въ котораго витеблянина забрякують воскъ въ ризь⁽¹⁾, альбо идъ индей, а пріѣдемъ до Витебска, ино Витебляномъ самымъ казнити виноватаго, а намъ въ то не вступатся.*» Далѣе предоставлялось витеблянамъ полное право располагать всѣми угодыями, городу принадлежащими. Отмѣнялась *мыта*, или пошлина за провозъ товаровъ; а король не только обязывался витеблянъ никому не дарить, но еще имъ же жаловалъ, подъ усадьбы и на выгонъ, коллинскую, мѣхайловскую и заручевскую пахоты.

Затѣмъ опредѣлялись размѣры разныхъ сборовъ и, между прочимъ, въ случаѣ драки витеблянъ между собою, если они примирятся при участіи децкаго, т.-е. королевскаго посланца, то обязаны давать въ пользу короны *замирщины*, т. е. мировую пошлину — *куницу съ шерстію*. Воевода назначался по выбору гражданъ, но утверждался королемъ; при вступленіи въ должность, онъ приносилъ присягу о непремѣнномъ соблюденіи всѣхъ этихъ постановленій.

Каждый витеблянинъ могъ свободно оставить свое жительство и переселиться куда хотѣлъ—въ Бѣлоруссію или Литву; требовалось только объявить о томъ воеводѣ и обществу. Въ случаѣ жалобы переселенцевъ на витеблянъ, разборъ дѣла производился децкимъ, а судъ произносилъ воевода, на основаніи правъ и обычаевъ города. Все, къмъ бы то ни было—княземъ, бояриномъ, слугой или мѣщаниномъ—отъ прежнихъ королей заслуженное, признавалось неотъемлемою собственностію; а наконецъ, предоставлялась полная свобода въ исповѣданіи православной вѣры, не только для русскихъ, но для литвянъ и ляховъ.

(¹) Т. е. въ Ригѣ.

Грамота эта была подтверждаема и преемниками Сигизмунда I, именно: Сигизмундомъ II, Стефаномъ Баторіемъ и Сигизмундомъ III; но на дѣлѣ, въ отношеніи свободы православной религіи, она исполнялась слабо.

Въ 1534 году, въ царствованіе Ивана Грознаго, во время войны русскихъ съ Литвою, князь Борисъ Горбатый опустошилъ весь окрестности Витебска; но городъ уцѣлѣлъ.

Спустя около двухъ лѣтъ, именно въ 1536 году, князь Горечекій и Барбашинъ сожгли одинъ изъ витебскихъ посадовъ.

Въ видахъ усиленія обороны города и замка отъ часто возобновляющихся набѣговъ, въ 1559 году, по просьбѣ жителей Витебска, повелѣно было, чтобы всѣ владельцы недвижимыхъ имѣній послѣ службу «яко военную, такъ и лежанья въ замку, съ тыхъ имѣній своихъ служили, имѣнья свои головнѣйшими не вымывляючись». (1)

Въ 1562 году окрестности города опустошены княземъ Курбскимъ, а въ слѣдующемъ году повторили то же русскіе; къ большому же несчастію города, моровая язва почти совершенно обезлюдила его.

Съ этой поры, городъ и замокъ начали упадать все болѣе и болѣе. Упадку послѣдняго много способствовало послѣдовавшее въ 1576 году освобожденіе жителей отъ повинности ремонтировать замковыя укрѣпленія; къ довершенію несчастія, въ 1569 году русскіе вновь сожгли большую часть кой-какъ возобновлявшагося, послѣ послѣднихъ пожаровъ, города.

Марта 17-го 1597 года, король Сигизмундъ III далъ жителямъ Витебска магдебургское право (2). Въ королевской грамотѣ по этому случаю, между прочимъ, сказано: «Сигизмундъ III, Божіею милостию король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, жмуйдскій, мазовецкій, лифляндскій, а шведскій, кюттскій, вандальскій дѣдиный король. Объявляемъ этимъ нашимъ листомъ всѣмъ вообще и каждому особо, нынѣ живущимъ и потомству ихъ, кому только знать то слѣдуетъ, что выборные славутные, т. е. мѣщане, конные поселскіе и все посполитство города нашего Витебска, пользуясь съ давнихъ временъ большими вольностями, предоставленными имъ отъ предковъ нашихъ, королей ихъ милости польскихъ и вели-

(1) См. «Городскія поселенія въ Россійской имперіи.» Томъ I. С.-Петербургъ, 1860 года.

(2) Магдебургъ, германскій городъ, принадлежа къ Ганзейскому Союзу, еще въ XII вѣкѣ такъ прославился своими законами, что многія государства учредили ихъ у себя, такъ напримѣръ: Польша, Богемія, Швеція и Пруссія. Въ чемъ именно состояло управленіе по магдебургскому праву, видно изъ настоящей грамоты, которую, для лучшаго пониманія, мы передаемъ въ переводѣ съ древняго русскаго языка, не всѣмъ знакомаго, объясняя тѣ названія должностей и административныхъ мѣстъ, кои менѣе знакомы. Грамота эта находится въ «Книгѣ привилегій», хранящейся въ архивѣ Витебской градской думы.

кихъ князей литовскихъ, и, не имѣя только магдебургскаго права, а состоя подѣ въдѣніемъ тамошняго нашего замка, не могли къ окончательному устройству и расширенію городъ нашъ привести, почему всѣ вмѣстѣ били намъ, государю, челомъ чрезъ посланцевъ своихъ, прося, чтобы мы, для лучшаго расширенія этого пограничнаго города и умноженія въ немъ порядка, по примѣру предковъ нашихъ, освободивъ жителей Витебска отъ всякой подчиненности урядамъ замковскому и земскому, даровали бы имъ магдебургское право и милость эту своего королевскою грамотою укрѣпили. Вслѣдъ затѣмъ, ихъ милость, господа совѣтники и урядники обоего народа нашего, на настоящемъ вольномъ сеймѣ при насъ бывшіе, а также и господинъ витебскій воевода, вельможный Николай Сапѣга, письменно свидѣтельствуя о вѣрноподданныхъ чувствахъ витеблянъ и заслугахъ ихъ во время минувшихъ войнъ съ великимъ княземъ московскимъ, склоняли насъ на милостивый пріемъ просьбы жителей этого города, увѣряя, что если мы, по милости нашей, дадимъ имъ просимое право, то они, улучша бытъ свой, съ пріобрѣтеніемъ средствъ и увеличеніемъ числа жителей, украсятъ и укрѣпятъ нашъ пограничный городъ такъ, что онъ будетъ въ состояніи противиться всякому непріятельскому нападенію. А потому, мы, государь, вѣдая то, что если достоинство монарховъ и князей увеличивается побѣдами, то тѣмъ болѣе водвореніемъ справедливыхъ законовъ, клонящихся къ умноженію народныхъ правъ (ибо справедливые законы, служа всему основой и малые города въ большіе и славные, къ полной выгодѣ для народа, превращаютъ; а гдѣ нѣтъ коренныхъ уставовъ и надлежащаго письменнаго права жители не имѣютъ, тамъ широкъ просторъ для безпорядка и множество мѣста для всепожирающаго зла и разоренія); а затѣмъ, по особой нашей королевской ласкѣ, желая положеніе нашихъ витебскихъ жителей улучшить и сравнить ихъ съ прочими главнѣйшими городами королевства польскаго и княжества литовскаго, склонясь на просьбу ихъ милостей, господь совѣтниковъ и урядниковъ нашихъ, городъ Витебскъ, какъ основанный въ границахъ нашихъ и теперь тамъ же находящійся, и всѣхъ вообще обывателей его, а равно на предмѣстїи, по фольваркамъ и селеніямъ живущихъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ, подданными, имѣніями и принадлежностями, отъ права земскаго великаго княжества литовскаго, отъ всякаго суда и подчиненности главнымъ трибуналамъ, также отъ власти всѣхъ воеводъ витебскихъ, начальниковъ замка, старосты, державцевъ, урядовъ, земскихъ и другихъ, и королевскихъ посланцевъ исключаемъ и навѣки освобождаемъ, а подчиняемъ ихъ суду и праву магдебургскому, и постановляемъ: что мѣщанъ города Витебска никто другой судить и власти надъ ними имѣть не будетъ, кромѣ войта, обще съ бургомистрами, райцами (т. е. совѣтниками) и лавниками (т. е. засѣдателями городского суда, выборными), по способу и указанію магдебургскихъ правъ, по

пискона Юсафата Купцевича, они, вмѣстѣ съ прочими преимуществами, были лишены его, въ 1523 году (1). Однакожь, преемникъ и сынъ Сигизмунда III, король Владиславъ IV, въ награду за услуги, оказанныя жителями Витебскаго воеводства, во время войны съ Россією, именно за побѣду подъ Конашевичами, въ 1641 году, возвратилъ имъ это право, съ тѣмъ, однакожь, условіемъ, чтобы они *на всегда оставались въ униі*. Тѣ же изъ жителей, кои желали оставаться въ вѣрѣ своихъ предковъ, т. е. въ православіи, подчинялись власти воеводы и правомъ магдебургскимъ пользоваться не могли. Права эти подтверждались многими преемниками короля Владислава IV, именно: Яномъ-Казиміромъ въ 1650 г., Михаиломъ Корибутъ-Вишневецкимъ въ 1664 г., Іоанномъ III въ 1735 г., Августомъ II въ 1697 г., Августомъ III въ 1735 г. и Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ въ 1764 году. Этотъ послѣдній король, 4-го января 1767 г., подтвердилъ всѣ привилегіи, пожалованныя Витебску; со временъ Казимира и Ягелло до его царствованія.

Какъ ни заботился Сигизмундъ III о внутреннемъ устройствѣ Витебска, но всѣ труды его оказались тщетными, потому, конечно, что, предпринимая ихъ, онъ имѣлъ въ виду единственную цѣль всей его жизни и царствованія — убить въ бѣлорусскомъ краѣ православіе, онолчать народъ его и даже посадить католицизмъ въ самомъ сердцѣ Россіи — Москвѣ. Какихъ средствъ для достиженія своей цѣли не предпринималъ этотъ инквизиторъ-иезуитъ въ королевской мантии! Онъ не гнушался ничѣмъ: подалъ руку братскаго союза самозванцу-бродягѣ Отрепьеву, присоединивъ его предварительно къ католической церкви; обманомъ подходилъ къ престолу царей русскихъ, чтобы, прикрываясь кандидатурой роднаго сына своего, самому сѣсть на немъ; подписывая одной рукой приговоръ о прекращеніи гоненій на вѣру православную, онъ, въ то же время, уничтожалъ его другой. Послѣдствіемъ такой политики его былъ почти непрерывный рядъ опустошительныхъ и крайне для Польши бѣдственныхъ войнъ, лишившихъ ее Ливоніи, Молдавіи и части Пруссіи, а прибрѣтенныя отъ Россіи провинціи, по несочувствію народа, насильственно принуждаемаго къ униі, увеличивали лишь силы казаковъ, уже давно приготовлявшихся сбросить съ себя иго Польши.

Витебское воеводство, какъ пограничное съ землями русскими, болѣе другихъ испытывало всѣ невзгоды продолжительной и кровавой брани.

Въ 1616 году, во время войны съ Россією, въ Витебскѣ возникли безпорядки, ослабѣла власть войта, работы по укрѣпленію замка шли плохо. Русскіе и казаки безпрестанно появлялись подъ стѣнами города, приводя въ трепеть жителей его. Въ августъ мѣсяць того же го-

(1) Подробности этого событія изложены въ 4-й главѣ этого сочиненія.

да, русскіе опустошили воеводство Витебское, сожгли Суражъ и обложили Велижъ. Вотъ что находимъ мы о состояніи въ это время города, въ письмѣ отъ витебскихъ жителей къ виленскому воеводѣ, генеральному комиссару Ливоніи, Ивану-Карлу Ходкевичу, великому гетману литовскому (1): «Сѣстныхъ припасовъ имѣемъ мало, ибо, по случаю непріятельскихъ нападеній, хлѣбъ въ полѣ остался, а за сѣять не можемъ; пороху не имѣемъ. Замковой пѣхотѣ жалованья не платятъ, и та хочетъ разойтись; только мы, въ числѣ нѣсколькихъ дворянъ, что находимся, и сторожимъ замокъ, въ страхѣ, нуждѣ и безпокойствѣ, ежеминутно ожидая прихода непріятеля, о которомъ слышать, что онъ нарочно выслалъ, чтобы опустошить окрестности, и находится въ большомъ числѣ людей».

Въ сентябрѣ того же года, Витебскъ былъ сожженъ русскими и казачьими войсками. Члены витебскаго магистрата, донеся объ этомъ великому гетману литовскому, писали: «Городъ Витебскъ войска и казаки російскіе сожгли; между тѣмъ, солдатъ и роту гайдуковъ городъ долженъ содержать, отчего нѣкоторые мѣщане и шляхта изъ города разошлись. Не знаемъ, что дѣлать: солдатъ ли всѣмъ снабжать, гайдуковъ ли кормить, или работою заниматься, исправляя замки и городъ; тѣ же, что въ городѣ на предмѣстьи у шляхты живутъ или за ними считаются (которыхъ есть большая половина города), ограждаются вольностію дворянства въ то время, когда насиліе разрушаетъ, или опровергаетъ всѣ права, не хотятъ съ нами быть заодно, никакой стражи, ни работы въ городѣ не отправляютъ, отчего происходятъ большіе безпорядки. Между тѣмъ, квартирующие солдаты дѣлаютъ непомерныя требованія и несправедливости, требуя съ одной службы или дома городского болѣе, нежели съ десяти службъ шляхетскихъ (дворянскихъ). А какъ теперь городскіе участки и земли стоятъ пустыремъ, такъ и съ нихъ требуютъ такой же дачи, какъ и съ тѣхъ, которые приносятъ доходы». (2)

Едва прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе коихъ Витебскъ успѣлъ залечить свои раны, какъ гетманъ Хмельницкій поднялъ въ степяхъ Украйны знамя свободы, призывая всѣхъ преданныхъ вѣрѣ отцовъ къ мести полякамъ за то оскорбленіе, которое причинили они народу русскому, поруганіемъ его религіи и попраніемъ народныхъ правъ.

Возгорѣлась братоубійственная война, потекли рѣки челоуѣческой крови, пламя пожаровъ охватило половину Польши. Храбро защищали на ны свои стародавнія права, до конца истощала Польша скудные запасы своихъ сокровищницъ, изливались въ потокахъ іезуитскаго

(1) Письмо это писано 29-го августа 1616 г., Александромъ Гурко, Адамомъ Коссовымъ, Яковомъ Тарновскимъ и Матвѣемъ Захаржевскимъ. См. «Историческія свѣдѣнія о Бѣлоруссіи.» Соч. Безъ-Корвиловича. С.-Петербургъ. 1855 года.

(2) Тамъ же, т. е. въ «Историческихъ свѣдѣніяхъ о Бѣлоруссіи.»

краспорѣчія ксендзы, обѣщая воинамъ всевозможныя блага въ будущей жизни; но все это не повело ни къ чему. Провидѣніе склонило вѣсы правосудія на сторону такъ долго страдавшаго, подъ игомъ Польши, народа русскаго, и нѣсколько милліоновъ украинцевъ освободили наконецъ главу свою изъ ярма порабощенія; но бѣдная Бѣлоруссія все еще оставалась подъ гнетомъ польской тираніи. Католическое духовенство и шляхта продолжали всѣми средствами истреблять въ этомъ краѣ православіе и убивать въ немъ русскую народность.

Храбрые казаки, соединясь съ русскими, напрягали свои силы къ исторженію роднаго имъ по вѣрѣ, языку и происхожденію народа бѣлорусскаго. Возгорѣлась война между Польшей и Россіей; театромъ ея сдѣлались пограничныя мѣста первой, и въ томъ числѣ витебское воеводство.

Вотъ что находимъ мы въ современномъ этимъ печальнымъ событіямъ письмѣ, отъ 23-го сентября 1654 года, Казимира-Льва Сапѣги, подканцлера литовскаго, къ князю Андрею Лещинскому, архіепископу гнѣзненскому: «Въ настоящее время доношу вашей княжеской милости, что бѣлорусскій край и въ немъ жилища наши стонутъ подъ рукою и оружіемъ москвитянъ и казаковъ; Смоленскъ, въ теченіе немалаго времени, находится въ тѣсной осадѣ и доселѣ не можетъ подать о себѣ вѣстей, ни взаимно получить, хотя и не пренебрегаются средства къ доставленію извѣстій. Домбровно, собственность его милости старости жмуйдскаго, еще держится. Мое имѣніе Горы ⁽¹⁾, за Дивпромъ, осаждено казаками, подъ начальствомъ Золотаренка (котораго силы весьма увеличились людьми изъ могилевскихъ и шкловскихъ селеній, а также изъ Гомеля, потому что десять хоругвей войска, служившаго республикѣ на жалованьи, отдавши Гомель, покорились этому измѣннику), и около семи недѣль находится между страхомъ и надежою. *Витебскъ все еще противостоитъ московскимъ штурмамъ, въ надеждѣ на сомнительное подкрѣпленіе, (потому что войско, приведенное въ разстройство послѣ стычки съ непріятелемъ, не совсемъ счастливой, еще доселѣ не собралось съ силами). Этотъ городъ желаетъ подкрѣпиться хлѣбомъ, а его казна скоро наполняется недоимочными податями воеводства и повѣтовъ.* Дай Богъ, чтобы наши гетманы, подкрѣпленные людьми изъ войска короннаго изъ воеводствъ, не терпящихъ этого наводненія, могли въ этотъ мѣсяць сразиться съ непріятелемъ, который, вѣрно, захочетъ съ большими силами дожидаться, у Березины, переправы нашего войска и сколько-нибудь воспользуется временемъ, благопріятнымъ для военныхъ дѣйствій».

Въ другомъ частномъ письмѣ, изъ Радошкевичъ, Минскаго воеводства, того же года, читаемъ: «Смоленскъ, наша главнѣйшая крѣ-

(1) Нынѣ уѣздный городъ Могилевской губерніи — Горки.

пость, уже во власти Москвы; простой народъ и шляхта въ Смоленскѣ дали присягу царю. Наконецъ, послѣ десятидневной осады Витебска войсками русскими и казаками, подъ главнымъ начальствомъ боярина и воеводы Василя Петровича Шереметьева, городъ взятъ. Побѣдители разрушили замки, убили сопротивлявшихся, взяли съ жителей огромную контрибуцію⁽¹⁾, а плѣнныхъ разослали въ отдаленные города. Невзирая на это, промыслъ Божій, дозволившій Бѣлоруссию, въ продолженіе не многихъ лѣтъ, быть подъ одной державою съ Россіею, снова продлить испытаніе витеблянъ — возвращеніемъ ихъ еще разъ подъ иго иноплеменнаго и иновернаго польскаго правительства.

Андрусовскимъ мирнымъ трактатомъ 30-го января 1667 г., Россія возвратила Литвѣ воеводства: мстиславское, витебское, полотское и ливонское (послѣднія три составляютъ нынѣшнюю витебскую губернію).

Съ восшествіемъ на всероссійскій престолъ императора Петра I, отношенія Россіи къ Польшѣ стали лучше; покрайней мѣрѣ, императоръ желалъ сдѣлать ихъ таковыми, будучи искренно расположенъ къ королю Августу II и рассчитывая облегчить этимъ судьбу своихъ единовѣрцевъ.

Въ 1701 году, Петръ I, отправляясь въ Биржу, для свиданія съ королемъ польскимъ, посѣтилъ, въ числѣ другихъ городовъ, на пути слѣдованія его лежавшихъ, Витебскъ, Полотскъ, Друю и Динабургъ.

Во время шведской войны, Петръ Великій не разъ бывалъ въ предѣлахъ нынѣшней витебской губерніи. Въ одно изъ этихъ путешествій, именно въ 1705 году, посѣщая изъ любопытства Полотскую уніятскую церковь, императоръ Петръ I до того былъ оскорбленъ неуваженіемъ и дерзостію уніатовъ, что нашелся въ необходимости подвергнуть виновныхъ заслуженной казни, для чего и приказалъ бывшей съ нимъ свитѣ арестовать ихъ. Это распоряженіе повлекло за собою столкновеніе подданныхъ двухъ государствъ, кончившееся смертію нѣкоторыхъ изъ нихъ⁽²⁾.

(1) Въ эту бѣдственную для Бѣлоруссіи войну, русскія войска покорили около 200 городовъ, мѣстечекъ и укрѣпленныхъ замковъ, подвергнувъ значительнѣйшіе изъ нихъ контрибуціи. Участи этой, кромѣ Витебска, подверглись Полотскъ, Мивскъ и др. города. Царь Алексѣй Михайловичъ, получа отъ Золотаренка и Хованскаго доверенія о покореніи державъ его всей Бѣлоруссіи и большей части Литвы, торжественно принявъ въ Москвѣ титулъ царя и самодержца *Великія, Малыя и Бѣлыя Руссіи*. «См. Исторію Руссовъ» Соч. Георгія Ковискаго. Москва. 1846 года.

(2) Происшествіе это, въ предупрежденіе толковъ, было, по повелѣнію государя, изложено, для всеобщаго свѣдѣнія, въ особомъ меморіалѣ, изданномъ 11-го іюля 1705 г. Вотъ подлинныя слова его: «Хотя его царскому величеству отъ генераловъ своихъ, на зимнихъ квартирахъ въ Полоцку бывшихъ, довольно донесено, коимъ образомъ

Обстоятельство это заронило въ великую душу Петра неслестное для полотскихъ уніатовъ чувство, которое едва ли не пробудилось вновь, въ бытность государя въ 1708 году въ г. Витебскѣ, во время войны съ Швеціей, за низверженіе съ престола короля Августа II и возведеніе, вмѣсто его, Станислава Лещинскаго; покрайней мѣрѣ, трудно иначе объяснить поступокъ Петра I, повелѣвшаго бывшимъ уніатскіе духовные непрестанно съ непріятелями шведами и сапѣжинцами имѣють тайную переписку и опасныя измѣренія противу войскъ царскаго величества, въ чѣмъ они довольные доводы чрезъ перенятія письма ихъ и предостерегательства отъ доброжелательныхъ имѣють, но и явно въ своихъ проповѣдяхъ (а особливо одинъ изъ нихъ, бывший подданный его царскаго величества, монахъ и отступившій отъ вѣры), всегда народъ великаго княжества Литовскаго возбуждали противу войскъ его царскаго величества и къ тайному ихъ поборенію, употребляя при томъ зѣло поносительныя слова, явно на высочайшія особы какъ его царское величество, такъ и его королевское величество польскаго Августа; однакожь его царское величество, уничтожая тѣ ихъ злобы и снося великодушіемъ своимъ, никакой противности имъ учинить не повелѣвалъ. Но когда случилось его величеству идти мимо ихъ костела (церкви), и, желая видѣть ихъ церемоніи, вошелъ съ нѣсколькими знатными особами двора своего, тогда помянутые злочестивые не токмо его величества съ подобоющею честью не привіали, но паче со всякимъ безчестіемъ, котораго бы не токмо такому монарху, но и простому бѣ, чести достойному, снести отъ нихъ невозможно. Ибо егда царское величество, желая обрядовъ ихъ церковныхъ видѣть, войти хотѣлъ въ олтарь того костела, то начали оныя безчестными словами его величеству говорить: что недостойтъ ему, ято противнику вѣры, тамо вступать. Сіе, однакожь, царское величество, по благоутробію своему, снесъ, и, ничего не отвѣщая, вышелъ вонъ, и, пришедъ къ нѣкоторому тутъ же паче прочихъ украшенному образу, вопрошалъ ихъ чей то образъ? На что сіи злочестивцы ругательно отвѣщали: что сей образъ священномученика ихъ *Иосафата*, котораго-де ваши единовѣрцы, еретики, богоотступники и мучители, какъ и вы, убили. За сію мерзкую хулу возъарився, повелѣлъ его царское величество при себѣ тогда обрѣтающимся людямъ оныхъ хульниковъ и уличенныхъ измѣнниковъ взять и привести для осужденія, самъ же вышелъ вонъ отъ сихъ богомерзкихъ. Но оныя, видя нашихъ малолетство, начали симъ его царское величество людямъ противиться и кричать о помощи, такъ что еще иные къ нимъ изъ ихъ причету монастырскаго со оружіемъ пристали, хотя ихъ отбить, и въ томъ супротивленіи нѣкоторыхъ изъ его царскаго величества людей ранили, за что оныя озлобясь, начали сами сихъ злодѣевъ не щадя рубить, такъ что четаря вѣзъ ихъ, противъ воли царскаго величества, смертно ранили и померли, забавя себя по осужденію отъ достойной и смертной безчестной казни. Потомъ же, яко его царскаго величества бывший подданный и измѣнникъ и вѣры отступникъ и, что еще злѣе, возмутитель народа, какъ выше объявлено, по уличеніи явномъ сихъ его преступленій, осужденъ на смерть и инымъ по образу явно, яко злодѣи, повешенъ. Сіе есть тако истинное возвѣщеніе того случая, еже всякому ко извѣстію да служить, дабы клеветники то ко вреду его царскаго величества высокой справедливости и непріятственныхъ въ Рѣчи Посполитой поступковъ не могли ниаго разгласити. Еже поутверженіе моею собственною рукою и печатью подписано, и въ явную печать издать повелѣлъ. Учнено въ Вильнѣ 1705, поля. См. «Историческое извѣщеніе о возникшей въ Польнѣ уніи.» Соч. Бавтыши-Каменскаго.

началась ужасная религіозная война, или, правильнѣе рѣзня, раздуваемая фанатизмомъ польскаго духовенства. Жертвой ея пали тысячи народа обоюго пола и возраста.

Православныхъ дворянъ въ Польшѣ уже оставалось мало: почти всѣ они, изъ страха или по легкомыслію и, наконецъ, изъ видовъ корысти, перешли сперва въ унию, а потомъ и въ католицизмъ. Остался лишь вѣрнымъ преданіямъ отцовъ простой народъ, въ которомъ ни время, ни страшныя угнѣтенія не успѣли убить національнаго духа русскаго. Изъ среды этого народа, какъ во время войнъ казачьихъ, явились предводители, которые, вооруженною рукою, стали мужественно отстаивать жизнь, свободу и вѣру своихъ отцовъ и братьевъ, — и Польша еще разъ обогрилась своею собственною кровію....

Всѣ эти ужасы заставили сосѣднія государства принять непосредственное участіе въ судьбѣ подданныхъ Польши, и договоромъ 1772 г., между прочимъ, постановлено было: присоединить къ Россіи древнее достояніе ея — земли между Днѣпромъ, Западною Двиною и Дручемъ, или, такъ называемую Бѣлоруссію, въ составъ коей находились воеводства мстиславское, витебское и части другихъ. Такимъ образомъ, Витебскъ и витебская губернія вошли въ составъ имперіи Россійской, и дальнѣйшая судьба ихъ тѣсно связана съ исторіей этого могущественнаго государства. Съ этого же времени, императрица Екатерина II начала именоваться великою княгиней полотской и витебской.

Въ первый годъ возвращенія Витебска Россіи, часть его, лежащая на лѣвой сторонѣ р. Западной Двины, причислилась къ могилевской губерніи, а лежащая на правой къ полотской⁽¹⁾ но, спустя четыре мѣсяца, согласно всеподданнѣйшему докладу генералъ-губернатора этихъ губерній, онъ, въ полномъ своемъ составѣ, присоединенъ къ послѣдней изъ этихъ губерній, съ назначеніемъ провинціальнымъ городомъ витебской провинціи, а 9-го октября того же года открыта въ немъ провинціальная канцелярія.

22-го марта 1777 года, бѣлорусскій генералъ-губернаторъ представилъ, что, по сдѣланному, во время первоначальнаго учрежденія бѣлорусскихъ губерній, раздѣленію всѣхъ новоприсоединенныхъ провинцій на уѣзды, нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ, по прилеглости селеній и пространству земли, изъ весьма большаго, а другіе изъ малаго числа душъ, а уѣздныя управленія не всѣ имѣютъ свое пребываніе въ городахъ или казенныхъ селеніяхъ, и нѣкоторыя остаются во владѣльческихъ поселеніяхъ. Для уравниенія означенныхъ уѣздовъ въ пространствѣ и населеніи и для устраненія неудобствъ въ административномъ отношеніи, сдѣлано новое распределеніе уѣздовъ могилевской и полотской губерній; въ составъ послѣдней вошли тѣ же

(1) См. наказъ для управленія присоединенными къ Россіи отъ Польской республики провинціямъ, 1772 года, мая 28-го дня. Полн. Собр. Зак. т. XIX, № 13,808.

христіанскаго и еврейскаго обществъ, ходатайствоваль объ оставленіи прежняго порядка въ отбываніи подводной повинности, ссылаясь на то, что жители г. Витебска, не имѣя собственныхъ земель и не занимаясь хлѣбопашествомъ, и притомъ будучи бѣдны, не могутъ покупать и содержать лошадей. Вслѣдствіе сего 24 ноября 1836 года повелѣно: дозволить жителямъ г. Витебска исправлять подводную повинность посредствомъ денежнаго сбора чрезъ подрядчиковъ. ⁽¹⁾

1839 года сентября 9-го, издано положеніе о постоянной повинности въ г. Витебскѣ. Повинность эта удовлетворяется обывателями города взносомъ денежной суммы. Для уравненія денежнаго сбора на постоянную повинность, всему состоящему въ Витебскѣ недвижимому имѣнію обывателей, обязанныхъ сею повинностію, производится оцѣнка. Въ оцѣнку входятъ: дома, лавки, мѣста, сады и другое сего рода недвижимое имущество, въ г. Витебскѣ находящееся. Оцѣнкѣ не подвергаются: 1) всѣ казенныя зданія, состоящія въ вѣдѣніи губернской строительной комиссіи; 2) зданія и дома, принадлежащія мѣстамъ и лицамъ, освобождающимся отъ постоянной повинности по ст. 619 т. IV Св. Зак., на точномъ основаніи правилъ того указація; 3) дома богоугодныхъ заведеній и другія зданія, кои употребляются для нуждъ общественныхъ, какъ-то: для помѣщенія думы, магистрата, для военнаго постоя въ натурѣ, буде съ сего цѣлю куплены или устроены. Для удовлетворенія постоянной повинности, обыватели со всей той суммы, во что оцѣнено будетъ недвижимое ихъ имущество въ г. Витебскѣ, вносятъ ежегодно по одному проценту съ рубля; если бы сбора сего было недостаточно, то оный, по предварительномъ соображеніи, можетъ быть увеличенъ до полутора процента, съ разрѣшенія главнаго мѣстнаго начальства. Граждане, не имѣющіе въ г. Витебскѣ домовъ и другаго недвижимаго имѣнія, но постоянно тамъ пребывающіе и, на основаніи узаконеній, обязанные квартирною повинностію, вносятъ на отправленіе сей повинности по двадцати-пяти процентовъ съ податнаго рубля, въ казну ими платимаго. Процентный сборъ ежегодно опредѣляется: съ купцовъ—платежемъ ими гильдейскихъ пошлинъ, а также на городскія и земскія повинности; съ мѣщанъ и гражданъ—подушнымъ ихъ окладомъ. Платежу процентнаго сбора не подвергаются: 1) всѣ тѣ строенія и земли, которыя изъяты отъ цѣнки (см. выше); 2) дома, принадлежащія служащимъ воинскимъ чинамъ и ихъ женамъ, въ коихъ они сами живутъ, ибо самое пребываніе сихъ лицъ въ своихъ домахъ замѣняетъ постоянную повинность, и они не получаютъ тогда отъ города ни постоя въ натурѣ, ни возмѣщенія онаго деньгами; 3) строенія и земляныя участки, съ коихъ доходъ поступаетъ въ думу на пользу общественную; 4) строенія, сады, огороды и земли, оцѣенныя ниже ста рублей. Дома, лавки и дру-

(1) Полн. Соб. Зак. т. XI, № 9,730.

гія хозяйственныя заведенія, обывателями вновь выстроенныя, на основаніи устава о повинностяхъ, т. IV Св. Зак., пользуются отъ платежа процентнаго сбора льготою; именно: при возведеніи построекъ каменныхъ—8 лѣтъ, каменныхъ съ деревянною надстройкою—6 лѣтъ, деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ—5 лѣтъ, деревянныхъ безъ каменнаго фундамента 4 года. Вообще положеніе 1839 г. сентября 9-го, опредѣляетъ: 1) правила оцѣнки имѣній; 2) порядокъ сбора денегъ на квартирную повинность; 3) порядокъ удовлетворенія квартирными деньгами; 4) составъ квартирной комиссіи и порядокъ храненія денежныхъ суммъ; 5) отчетность въ суммѣ, на квартирную повинность собираемой. (1)

1841 г. декабря 24-го, для преподанія способовъ къ вѣдшему распространенію торговли и промышленности въ западномъ краѣ Россіи, объемлющемъ губерніи могилевскую, витебскую, минскую, виленскую, гродненскую, кievскую, вольнскую, подольскую и область бѣлостокскую, и для возвышенія чрезъ то благосостоянія тамошнихъ городовъ, повелѣно: 1) купцовъ, мѣщанъ и вообще людей свободнаго состоянія и христіанскаго исповѣданія, принадлежащихъ къ другимъ, выше не поименованнымъ, губерніямъ и имѣющихъ право на переходъ въ городское сословіе, если кто изъ нихъ пожелаетъ приписаться, съ постояннымъ притомъ въ мѣстахъ приписки водвореніемъ, въ городахъ или имѣющихъ думы либо ратуши мѣстечкахъ, казенныхъ и помѣщичьихъ, западнаго края, въ послѣднихъ съ согласія ихъ владѣльцевъ, допускать къ сему съ одними свидѣтельствами мѣстныхъ начальствъ, что по существующимъ правиламъ, не представляется никакихъ къ ихъ переходу препятствій, что они не подвергались наказаніямъ по суду за преступленія и что тѣ изъ нихъ, которые обязаны рекрутскою повинностію, не состоятъ ни на первой, ни на второй очереди, не требуя затѣмъ на причисленіе ихъ согласія отъ новыхъ обществъ. 2) Водворившимся на семъ основаніи, предоставить слѣдующія облегченія: а) въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ, считая срокъ сей съ 1-го января 1842 по 1-е января 1867 года, каждый изъ нихъ увольняется, на пятнадцать лѣтъ, отъ всѣхъ слѣдующихъ въ казну податей и повинностей, равно какъ и отъ повинности рекрутской, если кто, по званію своему, оной подлежитъ; б) купцы, при упомянутой льготѣ, сохраняютъ торговыя права той же гильдіи, въ которой каждый, до перехода, своего состоялъ; а лица, не состоящія въ гильдіяхъ, причисляются, по новому водворенію, въ мѣщавел. Но тѣмъ изъ сихъ послѣднихъ, которые, своимъ иждивеніемъ и для собственнаго употребленія, устроятъ или покупкою пріобрѣтутъ въ мѣстахъ новаго водворенія дома или торговыя и мануфактурныя заведенія, какъ-то: лавки, заводы, фабрики и т. п., въ продолженіе

(1) Полн. Собр. Зак. т. XIV, № 12,677.

означеннаго пятнадцатилѣтняго льготнаго срока даруется, безъ платы гильдейскихъ повинностей, право торговли: если таковыя зданія и заведенія будутъ стоить не менѣе семи тысячъ р. сер., то по первой гильдіи, если свыше трехъ тысячъ, то по второй, и если свыше тысячи руб., то по третьей гильдіи. Дѣйствительные купцы третьей гильдіи, при тѣхъ же условіяхъ, пользуются торговыми правами второй, а купцы второй гильдіи, правами первой. Въ случаѣ смерти начальника семейства, даруемая льгота, до истеченія каждому срока оной, распространяется и на вдову, дѣтей и прочихъ родственниковъ, къ семейству принадлежащихъ, пока они остаются въ предѣлахъ тѣхъ губерній, для коихъ льгота сія постановлена. ⁽¹⁾

1845 г., февраля 11-го, для вѣщаго пособія витебской губерній, въ отношеніи къ обезпеченію продовольствія жителей ея, разрѣшено выдавать помѣщичьимъ крестьянамъ и мѣщанамъ на отлучки для заработковъ, по витебской и сосѣднимъ съ нею губерніямъ, безденежные, на простой бумагѣ, паспорта. ⁽²⁾

1850 г. января 28-го, повелѣно: въ г. Витебскѣ, въ кварталахъ, показанныхъ въ планѣ подь № 11 и по линіи № 12, деревянныхъ построекъ не позволять, и впредь возводить здѣсь одни каменные строенія. ⁽³⁾

1855 г., января 20-го, повелѣно: въ г. Витебскѣ, въ кварталахъ по плану № 11 и по линіи № 12, въ которыхъ деревянные постройки воспрещены закономъ, въ случаѣ просьбъ жителей, дозволить существующіе деревянные дома поддерживать починкою и устроивать на нихъ новыя крыши, но въ тѣхъ токмо случаяхъ, если поврежденія въ этихъ домахъ произойдутъ отъ пожара, грозы или тому подобныхъ непредвидимыхъ обстоятельствъ, и ежели притомъ дома эти еще прочны и требующіяся въ нихъ исправленія не составляютъ капитальныхъ передѣлокъ, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не допускать. ⁽⁴⁾

1858 г. февраля 26-го, повелѣно: дозволить домовладѣльцамъ г. Витебска, не могущимъ, по дѣйствительной бѣдности, возводить во дворахъ своихъ каменные службы, въ кварталахъ, назначенныхъ по плану города исключительно подь каменные дома, строить службы деревянные, но только холодныя, т. е. безъ печей, длиною не свыше двѣнадцати сажень, съ узаконеннымъ притомъ отъ смежныхъ строеній разрывомъ въ четыре сажени и отнюдь не выходя фасадомъ на улицу, по которой все строенія должны оставаться каменные.

⁽¹⁾ Полн. Собр. Зак. т. XVI, № 13.145.

⁽²⁾ Тамъ же, т. XX, № 18.726.

⁽³⁾ Тамъ же, т. XXV, № 23.880.

⁽⁴⁾ Тамъ же, т. XXX, № 28.962.

ГЛАВА III.

Войска 1-й русской армии оставляют дриссенскій лагерь и направляются къ Витебску. — Расположеніе нашихъ войскъ у Витебска. — Движеніе французской армии къ этому городу. — Предположеніе Барклая-де-Толли. — Направленіе главныхъ силъ Наполеона къ Витебску. — Авангардное дѣло отрядовъ Мюрата и графа Остермана. — Сраженіе съ французами у Витебска на р. Лучось 14-го іюля 1812 года. — Битва 15-го числа и отступленіе русской армии къ Смоленску. — Вступленіе Наполеона въ Витебскъ, пребываніе и распоряженія его тамъ. — Отрывокъ изъ пѣсни белоруссовъ о двѣнадцатомъ годѣ. — Опустошеніе города французами и вообще послѣдствія войны для витебской губерніи и Витебска. — Взятіе русскими войсками Витебска 26-го октября 1812 года и изгнаніе оттуда французовъ. — Холера 1831 года и смерть цесаревича великаго князя Константина Павловича. — Церемоніаль отправленія тѣла въ Бозѣ почившаго цесаревича въ Петербургъ. — Холера повторяется. — Ураганъ 1855 года. — Пожары 1861 года. — Мятѣжные замыслы польскаго населенія въ 1862 году. — Витебскъ на военномъ положеніи. — Погребеніе рядоваго Гриценка. — Заключеніе.

Изъ позднѣйшихъ событій наиболѣе памятны для Витебска 1812 и 1831 годы.

Въ эпоху отечественной войны, Витебскъ и витебская губернія раздѣляли общее бѣдствіе государства; но на долю этого края досталась также и часть славы, покрывшей неизгладимымъ блескомъ русское оружіе.

На военномъ совѣтѣ, при главной квартирѣ 1-й армии, въ городѣ Дриссѣ (витебской губерніи), составленномъ, въ присутствіи Императора Александра I, изъ главнокомандовавшаго 1-й арміей Барклая-де-Толли, графа Аракчеева, принца Георгія Ольденбургскаго, князя Волконскаго и Вольцогена, положено было оставить дриссенскій лагерь, какъ по неудобству его, такъ и по невозможности соединить въ этомъ мѣстѣ 1-ю и 2-ю арміи, къ разобщенію которыхъ стремился Наполеонъ. Затѣмъ, согласно предложенію принца Александра Виртембергскаго, поддержанному Барклаемъ, принято было, чтобы первая армія направилась къ Витебску, гдѣ, занявъ выгодную позицію, ожидала бы прибытія второй. Въ исполненіе этого прозкта, 8-го іюля, войска 1-й армии выступили двумя колоннами къ Витебску, гдѣ и сошлись 11-го числа. Въ этотъ же день, 3-й, 4-й и 5-й пѣхотные и 1-й кавалерійскій корпуса, переправясь на лѣвую сторону Двины, расположились по дорогѣ, идущей въ мѣстечко Бѣшенковичи, на берегу Лучосы, впадающей у самаго Витебска въ Западную Двину. 2-й же пѣхотный и 2-й кавалерійскій корпуса остались на правой сторонѣ

Двины у Витебска, а 6-й пѣхотный у Старого Села (въ 20 верстахъ отъ города, на полотскомъ почтовомъ тракѣ); сзади его, на полупереходѣ, расположился 3-й кавалерійскій корпусъ. Главная квартира 1-й арміи находилась въ Витебскѣ. Французская армія также направила силы свои къ этому городу. Мюратъ, съ корпусомъ Нея, тремя дивизіями Даву и кавалеріи Нансути и Монбрюна, переправивъ у Дисны, на правую сторону Двины, корпусъ Монбрюна, съ остальными войсками продолжалъ подвигаться чрезъ Улу къ Бѣшенковичамъ (оба мѣстечка Лепельскаго уѣзда, витебской губерніи). Въ то же время Удино достигнулъ города Дриссы и разоривъ тамошній укрѣпленный лагерь, направился къ Полотску. Гвардія и 4-й корпусъ вице-короля, вмѣстѣ съ войсками Мюрата, также подошли 12-го іюля въ мѣстечко Бѣшенковичи, куда въ тотъ же день пріѣхалъ и Наполеонъ. Корпусъ Сен-Сира оставался во время этихъ передвиженій назади, въ Ушачѣ.

Расположивъ, 11-го іюля, главныя силы 1-й западной арміи на рѣкѣ Лучосѣ, Барклай-де-Толли, разсчитывая, что князь Багратионъ занялъ уже Могилевъ, не только считалъ возможнымъ соединеніе обѣихъ арміи, но даже надѣялся перейти къ наступательнымъ движеніямъ. Между тѣмъ, 12-го іюля, Наполеонъ, выславъ изъ мѣстечка Бѣшенковичъ, для преслѣдованія Дохтурова, корпусъ Монбрюна, направилъ главныя свои силы лѣвою стороною Двины къ Витебску. Барклай-де-Толли, извѣстясь объ этомъ, отрядилъ въ Островно генераль-лейтенанта Остермана, съ цѣлю задержать наступленіе непріятеля и тѣмъ выиграть время. Графъ Остерманъ встрѣтилъ, въ семи верстахъ отъ Витебска, шедшія въ авангардѣ войска Нансути. На разсвѣтъ 13-го іюля, Мюратъ, принявъ начальство надъ корпусомъ Нансути, выступилъ къ Островно. Сильный непріятельскій авангардъ, двигаясь по этому направленію, встрѣтился съ двумя эскадронами нашихъ лейбъ-гусаръ и шестью орудіями и, разсѣявъ первыхъ, захватилъ послѣднія.

Съ прибытіемъ главныхъ силъ Мюрата, завязалось общее дѣло между корпусами вице-короля и графа Остермана. Ожесточенный бой продолжался нѣсколько часовъ; войска наши, невзирая на значительно-численный перевѣсъ непріятеля, не уступили ему поля битвы, и Остерманъ не счелъ даже нужнымъ вводить въ дѣло присланный къ нему въ помощь корпусъ Уварова и 3-ю пѣхотную дивизію Кововицына.

Въ 8 часовъ утра 14-го іюля, Мюратъ съ войсками Нансути и Дельзоне, подойдя къ позиціи нашей 3-й пѣхотной дивизіи, почти одновременно атаковалъ оба фланга ея. Атака лѣваго фланга два раза, съ значительнымъ для непріятеля урономъ, была отбита; но за то Гюаръ опрокинулъ баталіоны нашего праваго фланга. Затѣмъ непріятель, введя въ дѣло всѣ свои силы, угрожалъ центру нашей позиціи, отчего

батарея, стоявшая въ срединѣ линіи, подверглась большой опасности, но была выручена храбрыми полками перновскимъ и кексгольмскимъ. Эта неудача заставила французовъ вновь обратиться на наши орудія. Въ этотъ разъ они успѣли захватить три изъ нихъ, но черниговцы, быстрымъ ударомъ въ штыки, съ честью возвратили потерю. Наконецъ Коновницынъ приказалъ отступать. Непріятель, видя позади дивизіи его корпусъ Остермана, не рѣшился преслѣдовать. Въ это самое время прибылъ на мѣсто сраженія Наполеонъ, и французскія войска, командуемая императоромъ, снова начали наступленіе. У селенія Комары возобновилось сраженіе, при чемъ Коновницынъ, имѣя у себя только 9 тысячъ пѣхоты и 3 тысячи кавалеріи, удержался на позиціи до 5 часовъ вечера, хотя имѣлъ противъ себя 20 тысячъ непріятельскаго войска, одушевленнаго присутствіемъ императора. Отступивъ къ Добрейску и соединившись здѣсь съ Тучковымъ, Коновницынъ отошелъ за р. Лучосу. Наполеонъ остался ночевать у д. Какувячина, а Мюратъ, не доходя 8 верстъ до Витебска, у Добрейки.

Между тѣмъ, обнаружилось, что князь Багратионъ не успѣлъ занять Могилева, и потому Барклай-де-Толли рѣшился на отступление къ Смоленску. Но какъ подобное движеніе, въ виду многочисленной непріятельской арміи, было дѣломъ чрезвычайно труднымъ, то главнокомандующій, желая замаскировать свой планъ, поручилъ графу Палену, имѣвшему въ своемъ распоряженіи до 14 баталіоновъ, въ коихъ едва было 4 тысячи человекъ, 32 эскадрона и 2 казачьихъ полка, при 40 орудіяхъ, задержать непріятеля на пути къ Витебску. Въ этихъ видахъ, графъ Палень занялъ, въ 8 верстахъ отъ города, позицію, прикрытую съ фронта незначительной рѣчкой, впадающей въ Двину. Правый флангъ его былъ защищенъ самой Двиной, а лѣвый оставался совершенно открытымъ. Мѣстность, стѣсненная съ одной стороны рѣчкой, а съ другой поросшими лѣсомъ высотами, была крайне неблагоприятна для расположенія кавалеріи; но перемѣнить позицію было уже поздно.

15-го іюля, на разсвѣтъ, Напсути двинулъ войска свои по дорогѣ къ Витебску. Пройдя версты двѣ, непріятель открылъ нашъ арріергардъ, за коимъ вдали видѣлись главныя силы 1-й арміи. Подойдя къ сожженному наканунѣ войсками нашими мостику, непріятель, невзирая на огонь нашей гвардейской конной артиллеріи, началъ возобновлять его. Работа моста, хотя и съ большой для непріятеля потерей, кончилась. 16-й конно-егерскій полкъ и двѣ стрѣлковыя роты 9-го линейнаго полка перебѣжали черезъ мостъ и, кинувшись налѣво, значительно отдѣлились отъ прочихъ войскъ. Графъ Палень, пользуясь этимъ, атаковалъ непріятельскій отрядъ лейбъ-казаками и двумя эскадронами сумскаго гусарскаго полка. Невзирая на залпъ французскихъ егерей, казаки и гусары быстрымъ натискомъ опрокинули

ихъ въ оврагъ и кинулись на стрѣлковъ. Обѣ непріятельскія роты мгновенно были окружены нашей конницей и притиснуты къ оврагу; но 53-й французскій линейный полкъ выручилъ ихъ. Наполеонъ, слѣдившій заходомъ дѣла, подѣхавъ къ стрѣлкамъ, спросилъ: «Какого вы полка?» — «9-го линейнаго, и всѣ парижане?», отвѣчали они. — «Вы молодцы, и каждый изъ васъ достоинъ креста.» — И затѣмъ пѣгая, безхвостая лошадка умчала Наполеона, при громкихъ крикахъ: «да здравствуетъ императоръ!»

Между тѣмъ, войска генерала Брусье, построенныя въ полковыя каре, съ артиллеріей въ интервалахъ, силились подвинуться впередъ, но всякій разъ были отталкиваемы рѣшительными атаками нашей конницы. Наконецъ, когда Наполеонъ ввелъ въ дѣло всю кавалерію Нансуги и пѣхоту Дельзона, графъ Паленъ, признавъ невозможнымъ удержаться противъ столь превосходныхъ силъ, въ пятомъ часу пополудни отступилъ за Лучосу. Сраженіе подъ Витебскомъ дорого обошлось какъ намъ, такъ и непріятелю. Здѣсь убито съ нашей стороны 827 человекъ, ранено 1,855 и безвѣстно пропало 1,082, а всего 3,764 человекъ. Уронъ непріятели простирался до 3,704 человекъ, изъ числа коихъ 300 человекъ захвачены нами въ плѣнъ.

Главнокомандующій Барклай-де-Толли, донося государю императору о дѣлахъ подъ Витебскомъ, писалъ: «Войска Вашего Императорскаго Величества, въ теченіе сихъ трехъ дней, съ удивительною храбростію и духомъ сражались противъ превосходнаго непріятели. Они дрались какъ россияне, пренебрегающіе опасностями и жизнью за государя и отечество. Я не рѣшу, войскамъ ли авангарда 4-го корпуса, или 3-й дивизіи, отдать предъ другими преимущество: всѣ соревновали въ мужествѣ, усердіи и храбрости; особенно отличился лейб-гусарскій полкъ. «Одни неблагопріятныя обстоятельства, не отъ 1-й арміи зависящія, привудили ее къ отступленію, коимъ она, въ военномъ смыслѣ, можетъ тщеславиться, производивъ оное, въ виду превосходнѣйшаго непріятели, удерживаемаго малымъ авангардомъ, въ начальствѣ графа Палена состоящимъ.»

Ровно въ четыре часа, армія наша начала отступленіе къ Смоленску, идя тремя колонами по суражской, порѣчской и рудвянской дорогамъ. Арьергардъ же графа Палена оставался на Лучосѣ до разсвѣта слѣдующаго дня. Разведенные имъ огромные бивуачные огни укрѣпили Наполеона въ надеждѣ сразиться наконецъ съ главными силами русской арміи.

Только утромъ Наполеонъ понялъ, что былъ обманутъ. Отправивъ отрядъ для преслѣдованія нашего арьергарда, императоръ началъ приготовляться къ торжественному вступленію въ оставленный, а не взятый съ боя, городъ.

А, между тѣмъ, непріятельская кавалерія, неосторожно пре-

слѣдуя нашъ аріергардъ, потерпѣла пораженіе при Агапоновщинѣ. Французскія войска, назначенныя къ занятію города, будучи истомлены недостаткомъ въ провіантѣ и фуражѣ, изнемогая отъ зноя, были очень рады, увидѣвъ возможность отдохнуть и собраться съ силами.

Нетъ чувства волновали бѣдныхъ жителей Витебска. Слухъ о скоромъ вступленіи французовъ поразилъ ихъ ужасомъ. Отцы и матери съ любовію и отчаяніемъ прижимали къ своей груди дѣтей, трепеща за ихъ участь. Всѣ суетились, закапывая въ землю свои драгоценности; всю ночь никто ни на мгновение не могъ сомкнуть глазъ. По дорогѣ въ Невель тянулся нескончаемый обозъ съ пожитками жителей, имѣвшихъ возможность оставить городъ. Въ Витебскѣ остались почти одни жида, привыкшіе каждаго побѣдителя считать своимъ законнымъ повелителемъ, да нѣкоторые изъ поляковъ, рассчитывавшіе на покровительство своихъ единовѣрцевъ, измѣнически ставшихъ въ ряды непріятельской арміи.

На разсвѣтъ 16-го іюля, эскадронъ французскихъ егерей и эскадронъ мамелюковъ, вѣхавъ въ Витебскъ, приступили къ назначенію квартиръ для штаба императора и высшихъ офицеровъ. Часа чрезъ два, начали вступать въ городъ пѣхотные полки, кои и выстроились по сторонамъ Заручевской, Замковой и Смоленской улицъ. Здѣсь солдаты скинули съ себя ранцы, поставили въ козла ружья и ожидали пріѣзда императора, который, ровно въ 7 часовъ утра, вѣхалъ въ Витебскъ, сопровождаемый многочисленной блестящей свитой. Наполеонъ поверхъ мундира, украшеннаго звѣздой, имѣлъ сѣрый сюртукъ; голову его прикрывала треугольная шляпа безъ пера. Проѣхавъ между рядомъ войскъ, привѣтствовавшихъ его громкимъ крикомъ: *vive l'Empereur!* Наполеонъ проскакалъ чрезъ городъ, привѣтливо отвѣчая на поклоны жителей, за смоленскую заставу, гдѣ, осмотрѣвъ окрестную мѣстность, возвратился въ отведенный ему домъ. Войдя въ комнату, онъ отстегнулъ свою шпагу, и, брося ее на столъ, покрытый картою Россіи, сказалъ: « Я здѣсь остановлюсь, ознакомлюсь съ мѣстностію, соединю корпуса моей арміи, дамъ ей отдохнуть и устрою Польшу. Военныя дѣйствія кампаніи 1812 года кончены; будущій годъ кончитъ остальное ».

Пока часть главной арміи Наполеона проходила чрезъ Витебскъ, чтобы слѣдовать въ дальнѣйшій путь по направленію къ Смоленску, императоръ, хорошо познакомившись съ городомъ, принялъ мѣры къ временному укрѣпленію его, на случай атаки съ нашей стороны. Въ этихъ видахъ построены были на нѣкоторыхъ улицахъ баррикады, состоявшія изъ высокаго остроконечнаго частокола, предъ коимъ насыщала земляной валь. Такого рода укрѣпленія были сооружены на Заручевѣ—у еврейской синагоги; на Задуновѣ—предъ мостомъ; близъ смоленской заставы и въ зарѣчной части, возлѣ церкви св.

Симеона, окна которой превращены въ амбразуры для стрѣльбы изъ орудій, помѣщенныхъ внутри храма. Кромѣ того, для устройства площади предъ дворцомъ, сломано нѣсколько частныхъ деревянныхъ построекъ и стѣны строившейся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ цвѣтникъ, каменной Преображенской церкви. (1) Домъ дворянскаго собранія обращенъ въ военную пекарню. Нѣсколько печей для приготовления войскамъ хлѣба устроены на площадкѣ, предъ этимъ же домомъ находящейся. Успенскій соборъ превратился въ военный госпиталь. Воскресенская Рынковская церковь вмѣстила въ себя запасы сѣна и соломы. Въ Воскресенской — Заручевской поставлены жернова для перемола хлѣба. Монастырь Бернардиновъ замѣнилъ провіантскій магазинъ, а старая Борисоглѣбская церковь, уединенно стоящая надъ берегомъ Двины, сдѣлалась вмѣстилищемъ пороха и прочихъ огнестрѣльныхъ припасовъ. Послѣ этихъ хозяйственныхъ распоряженій, Наполеонъ, все время пребыванія его въ Витебскѣ, дѣлилъ между военными занятіями и устройствомъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи мѣстнаго управленія.

Каждое утро, въ 6 часовъ, на вновь устроенной дворцовой площади, производился разводъ, на коемъ присутствовалъ весь штабъ императора. Разъ или два въ день, Наполеонъ, сопровождаемый многочисленной свитой и двумя-тремя эскадронами мамелюковъ или польскихъ улановъ, проѣзжалъ по улицамъ и окрестностямъ города.

Въ воскресные и праздничные дни, императоръ слушалъ обѣдню въ домашней церкви, нарочно устроенной въ одной изъ комнатъ дворца. Литургію совершалъ ксендзь Полонскій, тотъ самый, который произнесъ въ іезуитскомъ костелѣ рѣчь, приглашая жителей города присягнуть въ вѣрноподданствѣ императору французовъ. Приняшіе присягу носили на лѣвомъ рукавѣ цвѣтную кокарду. Это украшеніе измѣны почти исключительно досталось полякамъ, тѣмъ не менѣе, оно не спасло ихъ отъ грабежа и даже личныхъ оскорбленій, неговоря уже объ огромныхъ поставкахъ запасовъ для войска. Въ довершеніе бѣдъ, мародеры начали возбуждать крестьянъ противъ помѣщиковъ, верѣдко производя вмѣстѣ съ ними грабежъ послѣднихъ.

Въ одномъ изъ сообщенныхъ намъ стихотворныхъ рассказовъ витебскихъ бѣлоруссовъ о двѣнадцатомъ годѣ, встрѣчаемъ слѣдующія, отлично характеризующія состояніе витебскаго народа въ 1812 году, слова:

Кали французская сила
Къ намъ за Дзвину наступила,

(1) Впослѣдствіи времени, изъ кирпича, оставшагося отъ сей церкви, заложена новая, на Спасской улицѣ, также во имя Преображенія Господня. Часть фундамента разоренной французами церкви и понынѣ находится на мѣстѣ, подъ голстымъ слоемъ чернозема, на которомъ разведенъ цвѣтникъ; въ этомъ я убѣдился лично, наблюдая за пересадкой кустарниковъ осенью минувшаго года.

Якъ зачало панову корциць:
Якъ бы Польшу вороциць!
Ѣднакъ сядзѣли пиха.
Ажъ устало большее лихо.
Наѣхало французау повинъ нашъ дворъ—
Нутко, братцы, будземъ дзѣлать зборъ.
У дворъ клѣци поразбивали,
Панову нашихъ въ лѣсъ загнали,
А насъ вялѣли позбираць,
Штобъ горѣлку пиць и браць...
А чему жъ и бабъ не позвали?
Кали хуляць, такъ хуляць,
Будземъ и мы панову рабобаць;
Дробную шляхту пообзираемъ.
Дай къ черту по прогоняемъ,
Досяць насъ бизуномъ съць,
Тяперъ и мы будземъ ихъ пѣць.
Тяперъ наша пора жиць, гуляць,
А эконому у соху запрягаць!

Невозможно—говорить историкъ отечественной войны М. Богдановичъ — съ совершенною достовѣрностію определить убытки, нанесенные жителямъ непріятельскими войсками. Сколько можно судить изъ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ, — свѣдѣній, частью неполныхъ, частью преувеличенныхъ, каждая изъ бѣлорусскихъ губерній претерпѣла разореніе на сумму до 18 милліоновъ рублей. Потеря въ народонаселеніи Витебской губерніи опредѣляется тѣмъ, что въ ней по ревизіи 1811 года числилось 352,474 души, а по ревизіи 1813 года — 315,481 душа, что составитъ чистой убыли 36,993 души. Потеря ужасная, для вознагражденія которой нужны были многіе годы.

Что касается состоянія Витебска во время пребыванія въ немъ французовъ, то оно хорошо изображено въ описаніи одного изъ тамошнихъ домовладѣльцевъ, помещенномъ въ «Очеркахъ Бѣлоруссіи» Безъ-Корниловича. Вотъ нѣсколько фразъ его:

.... «Въ Витебскѣ, по всѣмъ улицамъ, которыя проходилъ, всѣ дома, сараи, амбары были наполнены французами: по улицамъ не было видно граждавъ, кромѣ бѣдныхъ и евреевъ; на Задвиньѣ лавки и погреба были пусты, двери вездѣ отперты, поломаны, стекла выбиты, оконницы висѣли на одномъ крюку, вкось по окну. Въ церквахъ, костелахъ, монастыряхъ лежали раненые и больные, и тамъ же хранились для нихъ запасы.... Многіе изъ разоренныхъ жаловались начальству; но правосудія не было: начальники ничего не могли сдѣлать — ихъ не слушали».

Столѣтній старецъ Бритекъ, личный свидѣтель хозяйничанья французовъ въ Витебскѣ, неоднократно провожавшій Наполеона по окрестностямъ города, рассказывалъ мнѣ множество подробностей о подвигахъ этихъ просвѣщенныхъ варваровъ запада. По словамъ его, французы, войдя въ городъ, начали съ того, что отняли у жителей всѣ съѣстные припасы. Въ тѣхъ домахъ, гдѣ кушанье было приготовлено, они тутъ же, что могли, съѣли, а остальное взяли съ собой. Если попадалась имъ полусырая и только едва обварившаяся говядина, они съ жадностію съѣдали и ее, вытягивая мясо саблями и штыками изъ горшковъ и кострюль. Наѣвшись, начали грабежъ, стараясь преимущественно захватить золото и серебро; впрочемъ, они не брезгали мѣдью и ассигнаціями. Ища денегъ, французы колотили по стѣнамъ и мебели шомполами и чѣмъ попало. Изъ подушекъ, перинъ и тюфяковъ выбрасывали пухъ, перья и шерсть, съ шубъ и дамскихъ салоповъ срывали верхъ и употребляли для рубахъ. Мѣхъ рвали и жгли. Для того, чтобы вынуть стаканъ вина, били цѣлю бутылку; чтобы затопить печь, ломали драгоценную мебель. Не лучше поступали они со святыми иконами и деревянными церковными украшеніями. Неистовствуя и разоряя беззащитныхъ жителей, они говорили, что все это дѣлаютъ для того, чтобы ихъ помнили. И точно, французы достигли своей цѣли: здѣшній народъ воспоминаетъ ихъ, но, вспоминая, шлетъ имъ проклятія. Нечего сказать, хороша память!

Лучшимъ доказательствомъ бѣдствій, какія вытерпѣлъ Витебскъ въ эпоху двѣнадцатаго года, прозваннаго народомъ *несчастливымъ*, могутъ служить слѣдующія цифры, извлеченныя нами изъ дѣла витебской градской думы 1814 года, подъ № 26.

Въ 1812 году числилось въ Витебскѣ всего вообще мужескаго пола душъ 6,708, въ томъ числѣ христіанъ: купцовъ 376, мѣщанъ 2,943; евреевъ: купцовъ 56, мѣщанъ 3,333. Въ 1813 году, по свѣдѣніямъ, собраннымъ къ апрѣлю мѣсяцу, оказалось налицо: — христіанъ: купцовъ 87, мѣщанъ 1,124, евреевъ: купцовъ 4, мѣщанъ 1,200, а всего 2.415 душъ мужескаго пола, изъ чего видно, что народонаселеніе этого города, только въ одномъ мужескомъ полѣ, уменьшилось на 4.293 души, т. е. почти на 79%.

Что касается матеріальныхъ или имущественныхъ потерь, то цифра ихъ также громадна и, къ несчастію, она заслуживаетъ большаго вѣроятія, въ особенности, если принять во вниманіе, что въ составъ ея не вошли нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ показаній объ убыткахъ и что вообще, при собраніи по этому предмету свѣдѣній, полиціею, думою и магистратомъ, употреблялись нѣкоторыя неправильныя приемы для контролированія показаній жителей о несенныхъ ими убыткахъ. Изъ вѣдомости, представленной начальнику

губерній отъ витебской градской думы, обще съ магистратомъ, 30-го апрѣля 1813 года, за № 287, видно что общій итогъ убытковъ, понесенныхъ жителями г. Витебска отъ нашествія французовъ, равняется 2,873,479 р. 52 коп. ассигнаціями; изъ того числа на долю христіанъ приходилось 1,864,279 р. 36¹/₂ коп., а на долю евреевъ 1,009,200 р. 15¹/₂ коп. Потерю эту понесли четыреста-шестьдесятъ-два семейства; слѣдовательно, среднимъ числомъ, на долю каждого изъ нихъ приходится по 6,245 р. ассигнаціями съ копейками, или, считая по тогдашнему курсу на серебро, по 1,561 рублю. Въ дѣйствительности цифра эта простиралась отъ 103 р. ассигн. (25 р. 75 к. сер.) до 84,317 р. 82 коп. ассигнаціями, а на серебро 21,079 р. 45 коп.

Какими словами можно вѣрнѣе этихъ цифръ изобразить тѣ послѣдствія, какія испыталъ Витебскъ въ эпоху отечественной войны?

Пробывъ 16 дней въ Витебскѣ, Наполеонъ оставилъ его, подчинивъ городъ и часть занятой войсками губерній литовской, правительственной комиссіи (*gouvernement provisoire de la Lithuanie*), состоявшей подъ начальствомъ генераль-адъютанта графа Гендорца, получившаго званіе литовскаго генераль-губернатора.

При отступленіи арміи Наполеона обратно, послѣ неласковаго приѣма полчищъ его въ Москвѣ, французамъ пришлось идти чрезъ опустошенныя ими же провинціи. Витебскъ лежалъ на пути отступления, а потому ему вновь пришлось быть свидѣтелемъ и участникомъ кроваваго боя.

Согласно общему плану дѣйствиі русскихъ армій, на графа Витгенштейна было возложено, по отступленіи непріятели отъ Двины, овладѣть Витебскомъ. Для исполненія послѣднаго назначенъ отрядъ генерала Гарне, который, прибывъ 25-го октября въ Старое Село, на другой же день, до разсвѣта, двинулся правою стороною Двины къ Витебску. Противоположнымъ берегомъ рѣки шли два эскадрона драгунъ, подъ командой подполковника Столыпина.

Въ 7 часовъ утра, обѣ части отряда подошли къ городу. Непрительскій карауль, находившійся у полотской заставы, замѣтивъ приближеніе нашего отряда, перебѣжавъ чрезъ мостъ, поджегъ его. Эскадронъ польскаго уланскаго полка и охотники отряда, подъ командой начальника 7-й дружины с.-петербургскаго ополченія, полковника Шеміотки, преслѣдуя по пятамъ бѣжавшихъ французовъ, завязали перестрѣлку. Вслѣдъ затѣмъ подошелъ генераль Гарне съ 26-мъ егерскимъ полкомъ и взводомъ конной артиллеріи. Скоро мѣткіе выстрѣлы нашихъ орудій заставили непріятели очистить ближайшія строенія. Немедленно послѣ этого, охотники изъ полка и

дружины, вмѣстѣ со снѣженными уланами, перебѣжавъ по балкамъ горѣвшаго уже моста, бросились преслѣдовать въ безпорядкѣ отступавшаго непріятели. Когда же остальная часть отряда и жители, прекративъ пожаръ моста, возстановили сообщеніе, то Гарне, двинувъ въ занятую непріателемъ часть города одинъ изъ навагинскихъ баталіоновъ и два эскадрона польскаго уланскаго и рижскаго драгунскаго полковъ, довершилъ пораженіе французовъ, выгнавъ ихъ изъ города и захвативъ много плѣнныхъ. Между тѣмъ, полковникъ Столыпинъ, подошедшій къ городу съ лѣвой стороны Двины, бросился, съ двумя эскадронами драгуновъ и калмыцкой командой, преслѣдовать бѣжавшаго по смоленской дорогѣ непріятели, настигъ его верстахъ въ пятнадцать отъ Витебска, разбилъ наголову, взявъ два орудія и много плѣнныхъ.

Вообще, въ эти молодецкія дѣла досталось въ руки побѣдителей 400 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ были: витебскій губернаторъ, французскій бригадный генералъ Пуже, десять штабъ и оберъ-офицеровъ, двѣ пушки и много оружія. Кромѣ того въ Витебскѣ найдены значительные запасы провіанта и фуража, именно: 750 четвертей ржи и муки, 250 четвертей овса, 40 четвертей крупъ, огромное количество соли, 6 бочекъ водки и 4,000 пудовъ сѣна. Съ нашей же стороны выбыло изъ строя лишь сорокъ-четыре человѣка.

Сколько было убитыхъ со стороны непріятели, положительныхъ свѣдѣній нѣтъ; но, судя потому, что на сожженіе французскихъ труповъ, въ теченіе зимы и частію весной, было употреблено, по распоряженію военнаго губернатора, городской думой 165 сажень дровъ, на 3,796 р. 50 коп. ассигн., можно думать, что ихъ было немало. ⁽¹⁾

День 26-го октября 1812 года былъ торжествомъ для Витебска. Жители встрѣчали своихъ избавителей со слезами радости и привѣтомъ, предлагали имъ все, что только могли, и въ тотъ же день принесли благодарственное молебствіе Господу, избавившему ихъ отъ непріятели. Цвѣтныя кокарды измѣнниковъ исчезли; носившіе ихъ долго стыдились показаться на улицы. Не скоро, однакожь, жизнь города вошла въ свою обычную колею.

Въ началѣ января 1831 года слухи о постепенномъ распространеніи въ юго-западныхъ губерніяхъ холеры начали сильно без-

⁽¹⁾ См. дѣло витебской городской думы 1813 года, № 36. Изъ этого же дѣла видно, что въ Витебскѣ содержалось, кромѣ многихъ военно плѣнныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, семь генераловъ.

покоить жителей Витебска. Генераль-губернаторъ, князь Николай Николаевичъ Хованскій, желая предупредить развитіе этой болѣзни въ предѣлахъ своего генераль-губернаторства, обратился къ инспектору витебской врачебной управы, въ свое время знаменитому врачу Гюбенталю, съ просьбой объяснить ему характеръ этой, въ то время еще новой, болѣзни и способъ врачеванія ея. Въ отвѣтъ на запросъ князя, Гюбенталь, между прочимъ, выразилъ ⁽¹⁾: «Участіе, которое ваше сіятельство въ семь токмо важномъ явленіи принимаете, побуждаетъ меня доложить, что я, во время моей откомандировки, для прекращенія пагубной сей болѣзни, всѣми силами старался проникнуть свойство оной и, между прочимъ, нашель, что болѣзнь сія, при дальнѣйшемъ своемъ распространеніи, *теряетъ эпидемическій свой характеръ* и впоследствии принимаетъ спорадическій, *отнюдь не заразительный видъ*. Основываясь на сихъ и другихъ обстоятельствахъ, видно, что *Вологда, Москва, Смоленскъ и Житомиръ составляютъ географическую линію, которую упомянутая болѣзнь не можетъ перешагнуть*». Послѣдствія доказали неправильность этого заключенія; а, между тѣмъ, мнѣніе знаменитаго врача, высказанное съ такою увѣренностію въ невозможности существованія холеры въ Витебскѣ, сильно парализовало развитіе задуманныхъ уже попечительнымъ княземъ мѣръ къ охраненію народнаго здоровья. Однакожь, спустя около двухъ мѣсяцевъ, Гюбенталю пришлось убѣдиться, что холера можетъ перешагнуть границу назначенной имъ, для господства ея, области. Въ это время болѣзнь обнаружилась не только въ Житомирѣ, куда пришлось саму же Гюбенталю отправиться, для ближайшаго съ холерой ознакомленія, но въ Минскѣ, и даже признаки холеры начали появляться въ витебскомъ уѣздѣ. Эти обстоятельства заставили генераль-губернатора принять энергичскія мѣры къ воспріятствованію распространенія заразы, какъ въ этой губерніи, такъ и въ городѣ Витебскѣ.

Въ этихъ видахъ, а равно для предохраненія отъ заразы С.-Петербурга, введена была строгая карантинная система, именно: отбыленіе домовъ, въ коихъ случатся больные и умершіе отъ холеры, погребеніе умершихъ отъ этой болѣзни на особыхъ кладбищахъ, съ наполненіемъ гробовъ негашеной известью, учрежденіе осмотра и четырехдневнаго испытанія въ карантинныхъ заставныхъ домахъ всѣхъ ѣхавшихъ изъ зараженныхъ мѣстностей, окуриваніе вещей, пассажировъ и пересылаемыхъ по почтѣ бумагъ, закрытіе всѣхъ, безъ исключенія, путей сообщенія витебской, могилевской и минской губерній, кромѣ тѣхъ, на коихъ устроены обсервационныя заставы, прекращеніе ярмарокъ и крестныхъ ходовъ, открытіе уѣзд-

(1) Рапортъ инспектора врачебной управы отъ 26-го января 1831г., № 48. См. дѣло витебскаго губернскаго правленія 1831 года, № 3/295

ныхъ холерныхъ комитетовъ и проч. Невзирая, однакожь, на все это, 18 мая, холера проникнула въ Дриссенскій уѣздъ и первой жертвой ея были нѣсколько крестьянъ, въ имѣніяхъ Чуриловъ и Новомъ Селѣ, помѣщицъ Шадурской и Сажевой ⁽¹⁾.

Обстоятельство это заставило еще болѣе усугубить попечительность объ охраненіи витебской губерніи и комитетъ, въ составъ коего находились: гражданскій губернаторъ Н. И. Шредеръ, комендантъ Кнаперъ, вице-губернаторъ князь Давидовъ, исправляшіе должности: губернскаго предводителя дворянства: Щиттъ, полицмейстера Курбацкіи, инспектора врачебной управы Войтковскій, да градской голова Князинъ, независимо раздѣленія города, для ближайшаго наблюденія за подаіемъ помощи жителямъ на случай появленія холеры, на 3 части и 20 участковъ, изъ коихъ въ первыхъ были учреждены особые мѣстные комитеты, а послѣдніе состояли въ завѣдываніи, нарочно избранныхъ для того, надзирателей, постановилъ: 1) вмѣнить въ обязанность полицмейстера какъ можно чаще удостовѣряться, чрезъ подвѣдомыхъ ему чиновниковъ, о состояніи здоровья жителей; 2) приготовить четыре дома для помѣщенія въ немъ больныхъ холерой; 3) въ случаѣ появленія этой болѣзни, открыть подписку для добротныхъ пожертвованій на обезпеченіе семействъ бѣднѣйшихъ изъ жителей города; 4) назначить въ каждую часть города особыхъ медицинскихъ чиновниковъ и фельдшеровъ, снабдивъ ихъ нужными, для врачеванія больныхъ медикаментами. На заготовленіе для больныхъ бѣлья и обуви было отпущено въ распоряженіе комитета 500 рублей.

Между тѣмъ, холера все болѣе и болѣе подвигалась къ Витебску. 24-го мая она была уже въ Полотскѣ. ⁽²⁾

Наконецъ, около 5-го іюля, болѣзнь эта появилась и въ Витебскѣ. Тотчасъ же были приняты всѣ мѣры предосторожности отъ заразы, потребовано отъ врачебной управы указаніе мѣръ къ предохраненію отъ сей болѣзни, и инспекторъ Гюбенталь, на этотъ разъ, предписалъ *«избѣгать всякаго сообщенія съ заболѣвшими отъ холеры людьми»*. Но эпидемія уже началась и число заболѣвающихъ и умирающихъ, какъ видно изъ суточныхъ рапортовъ полицмейстера и донесенія начальника губерніи, все болѣе и болѣе возрастало ⁽³⁾.

⁽¹⁾ См. рапортъ витебскаго гражданскаго губернатора, отъ 21-го мая 1831 г. за № 7,678. Дѣло витебскаго губернскаго правленія того же года, № 3/293.

⁽²⁾ Рапортъ полотскаго коменданта, артиллеріи полковника Данилова 2-го, генералу губернатору, отъ 27-го мая, за № 130. Тамъ же.

⁽³⁾ Въ дѣлѣ витебскаго губернскаго правленія за 1831 годъ, подъ № 3/293, на стр. 203, находимъ слѣдующую таблицу, выражающую дѣйствіе холеры въ первые семь дней появленія ея въ Витебскѣ:

При всемъ томъ, однакожь, благодаря энергіи главнаго начальника края и точному исполненію предпринятыхъ комитетомъ мѣръ, число жертвъ холеры въ Витебскѣ, сравнительно съ нѣкоторыми другими мѣстностями этой губерніи и массой народонаселенія, было невелико; въ общей сложности, со дня открытія эпидеміи, по 1-е августа, изъ числа 1,288 заболѣвшихъ, умерло 494, между тѣмъ какъ по всей губерніи изъ 32,856 заболѣвшихъ, по 8 октября, умерло 20,387.

Но если число жертвъ холеры 1831 года въ Витебскѣ было сравнительно невелико, за то въ этотъ бѣдственный годъ Витебскъ уступилъ сему бичу рода человѣческаго маститую жертву въ лицѣ обожаемаго цесаревича, великаго князя Константина Павловича, прибывшаго въ городъ изъ Варшавы лишь 3-го іюня, а умершаго, послѣ непродолжительныхъ, но страшныхъ мученій, 15-го числа того же мѣсяца.

Это печальное событіе глубоко огорчило витеблянъ. По словамъ очевидцевъ, весь городъ буквально рыдалъ; но скоро къ скорби примѣшалось еще и другое чувство. Въ городѣ носились самыя нелѣпныя толки о причинахъ смерти, почти внезапно постигшей цесаревича. Какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, одни обвиняли медиковъ, другіе заходили еще дальше, говоря, что князь былъ жертвой революціи, и т. п.; многіе, наконецъ, не видѣвшіе тѣла поочившаго, вовсе не хотѣли вѣрить въ смерть князя.

		Заболѣло.		Выздоровѣло.		Умерло.		Осталось.	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Іюня	5 дня	19	16	8	7	3	3	8	6
"	6 "	22	23	10	9	4	4	8	10
"	7 "	27	28	9	11	6	3	12	14
"	8 "	31	29	11	8	6	9	14	12
"	9 "	38	37	14	9	9	6	15	22
"	10 "	52	54	11	11	19	11	20	32
		21	24	6	7	8	8	7	9
Итого		210	211	71	62	55	44	84	103

421

133

99

189

Кромѣ того, по военному госпиталю въ это же время заболѣло 140, выздоровѣло 22, умерло 25, осталось больныхъ 93. Слѣдовательно, въ теченіе семи дней заболѣло 581 человѣкъ.

(!) Во время эпидеміи 1831 г., даже между жителями столицъ существовало убѣжденіе въ отравѣхъ пищи и питья, отчего будто бы и происходила столь необыкновенная смертность. Послѣдствіемъ этихъ нелѣпныхъ толковъ были многіе без-

16-го іюля протяжный звонъ большаго успевскаго колокола возвѣстилъ жителямъ города, что насталь день, въ который они должны навѣки проститься съ искренно любимымъ цесаревичемъ. Съ равняго утра, толпы народа всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній ждали у собора начала печальной церемоніи. Вотъ кончили литургія и панихида, и шествіе двинулось между стройными рядами пѣхоты, поставленной шпалерами отъ паперти собора до самой заставы. Неумолкаемый звонъ колоколовъ всѣхъ церквей, ежеминутныя выстрѣлы изъ орудій, стройное, протяжное пѣніе клира, блескъ факеловъ и рыданія народа, оплакивавшаго искренно любимаго имъ великаго князя,—все это вмѣстѣ придавало необыкновенную торжественность печальному шествію, совершенному въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди ѣхаль верхомъ полицмейстеръ, за нимъ: отрядъ жандармовъ, по два въ рядъ, при одномъ офицерѣ, далѣе комендантъ и и. д. церемоніймейстера плацъ-маіоръ, одинъ за другимъ, верхами. Гофъ-фурьеръ, въ эпанчѣ. Лакеи и прочая прислуга, по два въ рядъ. Десять цеховыхъ хоругвей и при каждой, кромѣ несущихъ, по два ремесленника. Тридцать человекъ купцовъ и почетнѣйшихъ гражданъ. Четыре члена магистрата и шесть членовъ градской думы, по два въ рядъ, а за ними градской голова. Духовенство римско-католическое безъ облаченія, по два въ рядъ, и за нимъ пріоръ доминиканскій; духовенство греко-уніятское, также по два въ рядъ и безъ облаченія, и за нимъ протоірей. Базиліанскаго монастыря учителя и профессоры, по два въ рядъ, за ними ректоръ. Учители губернской гимназій, по два въ рядъ, за ними директоръ. Члены уѣзднаго суда и судья. Уѣздный предводитель дворянства, члены гражданской, уголовной и казенной палатъ, имѣя позади своихъ представителей. Члены губернскаго правленія, а за ними вице-губернаторъ. Чиновники генераль-губернатора, по два въ рядъ, младшіе впереди. Почетные дворяне, по два въ рядъ, а за ними губернскій предводитель дворянства. Инспекторъ почтъ VI округа. Гражданскій губернаторъ. Церковныя хоругви, фонари, крестъ. Діаконы, по два въ рядъ, младшіе впереди. Пѣвчіе. Преосвященный Павелъ, епископъ могилевскій и витебскій съ поддіаконами и протодіаконами. Затѣмъ, на бархатныхъ малиновыхъ подушкахъ, несли ордена: Маріи-Терези и св. Серафима—полковникъ Красовскій. Крестъ и звѣзду св. равноапостальнаго князя Владиміра — полковникъ Мердеръ. Крестъ св. Георгія, медали за 1812 годъ и за вступленіе войскъ въ Парижъ, знакъ отличія XXV лѣтней служ-

порядки. См. объявленія с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора отъ 20-го, 25-го и 26-го іюля; «С.-Петербургскія Вѣдомости» №№ 148 и 149, и статью о холерѣ въ 175 № тѣхъ же вѣдомостей.

бы — отставной генераль-маіоръ Жуковъ. Бѣлаго орла — отставной генераль-маіоръ Наѣкинъ. Св. Александра Невскаго — отставной генераль-маіоръ Гурка. св. Андрея Первозваннаго — отставной генераль-маіоръ Геригросъ. За орденами шель и. д. церемоній-мейстера чиновникъ. Потомъ: духовникъ почившаго великаго князя, оберъ-священникъ, протоіерей Исидоръ Коношевичъ, имѣя въ рукахъ образъ; при немъ діаконовъ съ кадилломъ. Лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковникъ Радухинъ, верхомъ. Наконецъ колесница съ гробомъ, везомая 8 лошадьми, коихъ вели 8 человекъ въ мантияхъ. Шнуры балдахина поддерживали четыре штабъ - офицера, имѣя при себѣ столько же оберъ-офицеровъ.

По обѣимъ сторонамъ колесницы шли офицеры, 30 человекъ, съ горящими факелами, и нижніе чины тѣхъ гвардейскихъ полковъ, въ коихъ былъ шефомъ въ Бозѣ почившій цесаревичъ Константинъ Павловичъ. За гробомъ шла супруга великаго князя княгиня Ловичъ. Нѣсколько поодаль: высочайшаго двора шталмейстеръ Опочининъ, камергеръ князь Александръ Голицынъ и лейбъ-медикъ Рейнгольдъ; потомъ генераль отъ инфантеріи, генераль - губернаторъ князь Хованскій, генераль отъ инфантеріи графъ Крута, генераль-адъютантъ, вице-адмиралъ Козлаковъ, свиты Его Императорскаго Величества генераль - маіоръ Феншъ, генераль - маіоръ Соломка, флигель - адъютанты Его Величества: полковники — князь Мещерскій и Филипеусъ, ротмистръ Баратынскій, капитанъ Трембицкій, штабсъ-ротмистръ Александровъ, штабсъ-капитанъ Гренеръ 1, штабсъ-ротмистръ Безобразовъ, поручикъ Монрое, подпоручикъ Гогель, всѣ въ мантияхъ. Далѣе свита покойнаго цесаревича, камердинеры Его Высочества и кошошенный офицеръ, въ мантияхъ. Печальное шествіе замыкалъ, ѣхавшій за экипажемъ ея свѣтлости княгини Ловичъ, взводъ казаковъ, составлявшій конвой Его Императорскаго Высочества цесаревича. ⁽¹⁾

Въ тотъ же день печальная колесница, сопровождаемая княгинею Ловичъ, духовенствомъ и свитой, увезла бранные останки добраго князя въ давно оставленный имъ Петербургъ, гдѣ и погребены они, 17-го августа, въ Петропавловскомъ соборѣ.

Въ періодъ времени съ 1831 по 1863 годъ, холера возобновлялась въ Витебскѣ три раза, именно: въ 1848, 1853 и 1856 годахъ, и хотя число жертвъ ея было довольно значительно, въ особенности въ

⁽¹⁾ Въ печальной церемоніи погребальнаго шествія евреямъ участвовать дозволено не было. Въ дополнительномъ предписаніи церемоніймейстера къ градскому главѣ, отъ 13-го іюля, за №, именно было выражено: «а евреевъ, чтобъ ни между купцами, ни членами, отнюдь не было». Подлинное дѣло витеб. градской думы 1831 г., № 62.

1848 году, но болѣзнь эта, благодаря успѣхамъ науки, не была уже встрѣчаема съ такимъ ужасомъ, какъ въ 1831 году.

Что касается ближайшихъ къ намъ событій Витебска, то изъ нихъ лишь слѣдующія, какъ выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, могутъ, по нашему мнѣнiю, быть занесены на страницы исторiи города.

Въ 1855 году iюля 7-го дня, въ 4¹/₂ часа пополудни, разразился надъ Витебскомъ страшный ураганъ съ градомъ и молнiей. Невзирая на его кратковременность, въ разныхъ частяхъ города произошли значительныя опустошенiя, причинившiя жителямъ и городу убытка до 73,225 рублей; 7 сараевъ, 14 заборовъ и множество садовыхъ деревьевъ почти мгновенно были изломаны порывомъ бури; 10 деревянныхъ и 8 желѣзныхъ крышъ въ большей или меньшей степени повреждено; градомъ выбито до 200 стеколъ, а пожаромъ, произшедшимъ отъ удара молнiи, сожжены: деревянная церковь св. Иоанна Богослова, существовавшая ровно 150 лѣтъ, 5 деревянныхъ и одинъ каменный домъ съ принадлежащими къ нимъ службами ⁽¹⁾. Наибольшему опустошенiю подверглось пространство 1-й части, между Богословской улицей и р. Двиной. Это, конечно, потому, что мѣстность эта самая возвышенная.

1861-го годъ памятенъ Витебску по множеству пожаровъ, происходившихъ, большею частiю, отъ поджоговъ изъ нихъ: пожаръ съ 12-го на 13-е iюля, во время коего сгорѣлъ почти цѣлый кварталъ, прилегающiй къ Смоленской улицѣ, причинилъ убытка на 157,728 р. сер., а пожаръ съ 15-го на 16-ое октября, истребилъ лучшiе каменные дома Подвинской улицы.

Съ 1862 года польское населенiе города, подъ влiянiемъ нѣкоторыхъ ксендзовъ и женщинъ, начало устраивать, въ видахъ заявленiя своего сочувствiя къ мятежнымъ замысламъ Польши, разныя манифестацiи: носить траурныя платья и другiе революцiонные костюмы и принадлежности, пѣть въ костелахъ и домахъ гимны объ освобожденiи Польши, и т. п.

Наконецъ, 17-го апрѣля 1863 года, нѣсколько человекъ, преимущественно молодыхъ канцелярскихъ чиновниковъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и гимназистовъ, выйдя изъ Витебска, пытались присоединиться къ начавшимъ формироваться въ губернiи шайкамъ инсургентовъ; но они скоро были пойманы и отданы въ руки правосудiя. Однакожъ, обстоятельства эти имѣли послѣдствiемъ объявленiе въ Витебскѣ военнаго положенiя, съ подчиненiемъ города и уѣзда особому военному начальнику, что и приведено въ исполненiе 15-го мая.

⁽¹⁾ Дѣло канцелярiи начальника Витебской губернiи, за 1855 годъ, № 100, стр. 49, 50 и 64.

Въ продолженіе смуть въ губерніи, русское населеніе Витебска оставалось въ совершенномъ спокойствіи, клеймя презрѣніемъ толпу крамольниковъ и нарушителей общественнаго спокойствія; даже во время публичнаго погребенія, умершаго отъ ранъ, мятежника Помернацкаго Витебскъ остался равнодушнымъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго сочувствія къ продѣлкамъ партіи безпорядка. Но за то, когда смерть постигла одного изъ раненыхъ мятежниками нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ разбитіи ближайшей къ городу шайки ихъ, Витебскъ выказалъ самое теплое, самое искреннее сочувствіе и безпредѣльную преданность къ своему правительству, любовь и уваженіе къ русскому воинству. Похороны рядоваго Гриценка составляютъ блистательнѣйшій эпизодъ въ общественной жизни Витебска, а потому мы заносимъ его въ нашу лѣтопись словами современнаго корреспондента одной изъ газетъ ⁽¹⁾. 15-го іюня погребали въ Витебскѣ перваго война-мученика, рядоваго здѣшняго баталіона внутренней стражи Самуила Гриценка, умершаго отъ раны, полученной имъ въ дѣлѣ съ мятежниками, происходившемъ 27-го апрѣля, при Лѣзномъ, въ имѣніи помѣщика Пуро, на границахъ Витебской и Могилевской губерній. ⁽²⁾ Отпѣваніе тѣла совершено въ Николаевскомъ кафедральномъ соборѣ, высопреосвященнымъ архіепископомъ витебскимъ и полоцкимъ Василіемъ, вмѣстѣ съ ректоромъ семинаріи Анатоліемъ и прочимъ духовенствомъ. Въ церемоніалѣ погребенія участвовали: военный начальникъ города и уѣзда, управляющій гражданскою частію вице-губернаторъ, всѣ штабъ и оберъ-офицеры расположенныхъ въ городѣ войскъ, члены и чиновники губернскихъ и городскихъ присутственныхъ мѣстъ, воинскія команды: Нижегородскаго пѣхотнаго полка, мѣстнаго горнизна, казачья и жандармская, два хора музыки и нѣсколько тысячъ народа.

Въ числѣ сопровождавшихъ гробъ покойника и присутствовавшихъ на литургіи и панахидѣ замѣчено нѣсколько личностей, участвовавшихъ въ похоронахъ мятежника Помернацкаго, умершаго отъ раны, полученной въ томъ же дѣлѣ, какъ и Гриценко.

Гробъ покойника, обитый малиновымъ бархатомъ и украшенный роскошными вѣнками прелестнѣйшихъ цвѣтовъ, былъ несенъ на рукахъ унтеръ-офицеровъ, но при выносѣ тѣла изъ военнаго госпиталя и собора участвовали въ этомъ офицеры и чиновники. Въ соборѣ,

⁽¹⁾ «Кіевскій Телеграфъ» 1863 года, № 48.

⁽²⁾ Въ пользу семействъ раненыхъ въ этомъ дѣлѣ четырехъ нижнихъ чиновъ, въ числѣ коихъ трое рядовыхъ Витебскаго баталіона внутренней стражи и одинъ отставной солдатъ-герой Севастополя, чиновники и нѣкоторые изъ жителей города собрали по подпискѣ около 200 р. Начало этому доброму дѣлу положено 9-го іюня, на маленькомъ прощальномъ обѣдѣ Александру Степановичу Оголину, бывшему витебскимъ гражданскомъ губернаторомъ.

надъ гробомъ умершаго пропзнесено іеромонахомъ Сергіемъ краткое, обстоятельствомъ соотвѣтствовавшее, слово. Въ немъ проповѣдникъ, въ самыхъ доступныхъ для народа выраженіяхъ, объяснилъ значеніе настоящихъ похоронъ, неволью соединившихъ въ одну массу нѣсколько тысячъ мѣстнаго русскаго народонаселенія.

Простое, но правдивое слово отца Сергія, торжественно умиленное служеніе удрученнаго недугами и годами старца-архипастыря, оставившаго свой одръ для служенія Богу и отечеству, печально стройный напѣвъ клира и эта волнующаяся масса народа всѣхъ сословіи неволью возбуждали въ душахъ присутствовавшихъ высокое патріотическое чувство. Еще наканунѣ, при выносѣ тѣла изъ военнаго госпиталя въ соборъ, глядя съ наперти церкви св. Симеона на безконечную живую ленту печальной процессіи, медленно тянувшейся черезъ двинскій мостъ, и сравнивая эту громадную массу почти мгновенно собравшихся, на звонъ погребальнаго колокола, русскихъ народныхъ силъ, съ черной группой польскихъ патріотокъ, робко жавшихся на высотѣ противоположнаго берега, близъ дома дворянскаго собранія, и казавшихся, сравнительно съ участвовавшими въ погребальномъ шествіи, малымъ, едва примѣтнымъ пятнышкомъ, мы неволью пожалѣли о безумныхъ замыслахъ здѣшняго польскаго населенія, но утѣшились мыслию, что настоящіе похороны образумятъ заблудшихъ, напомявъ имъ, что несчастія и потери не ослабляютъ и не разъединяютъ русскихъ, а, напротивъ, укрѣпляютъ и соединяютъ ихъ.

Здѣсь мы свертываемъ листы нашей хроники, предоставляя болѣе опытному бытописцу досказать то, что опущено нами или по неимѣнію въ рукахъ достовѣрныхъ документовъ, или потому, что еще не настало времени произнести надъ совершившимся правдивый судъ.

А. СЕМЕНОВСКІЙ.